

Николай Берг

Эпоха мёртвых

Ночная смена

Лагерь живых

Мир «Эпохи мёртвых»

Николай Берг

Ночная смена. Лагерь живых

«1С-Публишинг»

2011

Берг Н.

Ночная смена. Лагерь живых / Н. Берг — «1С-Публишинг»,
2011 — (Мир «Эпохи мёртвых»)

Накрывший мир зомби-апокалипсис многих застал врасплох. Вместо вакцины от всех болезней на Земле появился смертельно опасный вирус. Уцелевших атакует армия зомби; живые держат оборону. Главный герой, врач по профессии, – в числе тех, кто укрылся за стенами Петропавловской крепости. На долгое время стала она оплотом для выживших. К своему удивлению, обитатели крепости обнаружили разумного зомби-морфа. Он неагрессивен и даже склонен к сотрудничеству. Можно ли ему доверять, или лучше не рисковать?

Николай Берг

Ночная смена. Лагерь живых

Шестой день с начала Беды.

Из кабины здорового грузовика видно далеко окрест. Второй раз за сегодняшний мрачный мартовский денек из сплошного слоя туч выглядывает рахитичное питерское солнце, освещая куда как неприглядную картину разбившегося совсем рядом от кольцевой автодороги самолета. Заваленное горелыми кусками фюзеляжа, рваным мусором, в который превратились багаж, пассажиры и сложная начинка авиалайнера, ровное заснеженное поле выглядит как тошная помойка, и солнечный свет вовсе не придает этому зрелищу ничего хорошего. Да и весенний пейзаж с голыми кустарниками, подтаявшим серым снегом и почти лежащими на наших головах низкими серыми тучами – не радует.

Тем не менее, мы жадно смотрим вокруг – я с моим напарником, молодым пареньком Сашей – потому как наконец вырвались из Петропавловской крепости, где прокорячились все это время с того злосчастного момента, когда на город свалилась совершенно неожиданная Беда. Наш водитель – пожилой крепкий мужик Семен Семеныч – тоже провел время на удивление однообразно, проторчав до сегодняшнего дня в судебно – медицинском морге Петергофа, куда его загнала причудливая цепь событий и где среди нормальных мертвецов было можно укрыться от того бреда, что творился на улицах нашего города и в окрестностях.

Кто бы мог подумать, что такое вообще возможно? Приятно щекотавшие нервы фантазмагорические страшилки про восставших мертвецов, про толпы беспощадных голодных зомби тем и были хороши, что, ужасаясь этому кошмару, который показывали в фильмах и описывали в книгах, каждый прекрасно понимал: все это невозможно. Да, катастрофы случались и могут случиться, но пришествие зомби было просто невероятным. Скорее уж что-нибудь менее экзотическое – вроде вулкана, цунами, ледникового периода или техногенного подарочка человечеству.

И вдруг происходит именно то, что менее всего ожидалось. И мы уже почти неделю живем в этом кошмаре, изменившем окружающий мир до невероятия. Все, чему меня учили в мединституте и потом – на работе, идет вразрез с тем, что видят глаза. Зомби – невозможны. Физически. Но, тем не менее – они стали реальностью, и очень опасной реальностью. Снимая на видеокамеру по приказу своего непосредственного руководства все, что представляет интерес для тех, кто пойдет по проложенному нашей разведгруппой маршруту, я только за сегодняшний выезд наснимал таковых невозможных вроде бы существ несколько сотен.

– Апатит твою Хибины! – скороговоркой выдает Семен Семеныч, резко взяв в сторону и вдарив по тормозам со всем усердием...

Мда, это надо снять...

Совсем рядом с капотом нашего грузовика стоят ноги. Голые человеческие ноги с тем самым, к чему они обычно прикрепляются – бледные, с синюшными трупными пятнами. Босые, но какие-то рваные тряпки внизу болтаются. А вот сверху... сверху – из таза торчит столб позвоночника с черепом наверху. Все, что было выше пояса, словно сорвано страшной силой, как и ткани с головы, только на макушке нелепый ежик из недогоревших волос. Все грязное, закопченное. И неподвижное.

Саша удивленно втягивает воздух:

– Прямо как в «Хищнике»... Только грязное и не до конца выдранное.

– Кто ж это так развлекался?

– Может, и впрямь весь катаклизм – инопланетного происхождения? – задает уже не меньше десятка раз слышанный вопрос Семен Семеныч.

– Ну, это уже бред. Чтобы катастрофа развивалась по идиотскому голливудскому сценарию? – возражает Саша, нервно тиская зажатую в руке рацию, названную им «Длинное Ухо».

– Так они столько всякого наснимали, почему бы и нет? «Близнецов»-то ведь точно как по-голливудски долбанули!

– «Близнецы» – это не инопланетяне. Сами амеры и долбанули...

«Длинное Ухо» спрашивает, что встали. Проще показать, чем объяснить.

Отъезжаем в сторону, чтобы следующему за нами в простреленном УАЗе Старшему было тоже видно.

Николаич присвистывает в рации.

– Интересное кино. Сняли?

– Снял.

– Чего стоим? Трупов не видали?

– Видали, но этот какой-то уж совсем наособицу.

– Вот на семинаре и разберетесь. Поехали, поехали!

Двигаемся дальше, смотрю в зеркало заднего вида – безглазый череп словно провожает мертвым взглядом наши машины...

Выкатываемся на развязку, здесь наша сбродная колонна из надыбанных за сегодняшний день разношерстных машин встает, и мне приходится снимать долго: станция Предпортовая, куча всяких промышленных предприятий, складов, мелькомбинат – короче говоря, ни черта я не понимаю, что где, но Семен Семеныч тут не раз бывал, и по старому принципу «не выпендривайся, пальцем покажи» целеуказует без проблем.

Вспомнив про конфуз моего приятеля-журналиста, который с башни Нарвского замка должен был отснять старейшее в республике Эстония промышленное здание, а вместо этого запечатлел синагогу, на что читатели указали уже после выхода газеты, все время показываю драйверу то, что снял.

Сразу вслед за этим снимаю по другую сторону – вроде как это окраины Авиагородка, какой-то склад топлива – Николаич велел. Склад внешне в полном порядке.

Съемку прерывает увесистый толчок в бок.

Саша одновременно кричит в «Длинное Ухо»:

– Колонна бронетехники! На встречной!

Видеокамера позволяет приблизить эту бронетехнику. Колонна – да, пожалуй, но далеко не вся – бронетехника. Спереди – БТР не то 70, не то 80 – не разбираюсь я в них совершенно; сразу за ним военный грузовик с кунгом, потом пара автобусов и замыкают все это два грузовика штатского вида и еще один БТР.

Колонна начинает притормаживать и встает, чуток не доезжая до нас.

Ствол дудки крупного калибра в башенке переднего БТР застенчиво поворачивается в нашу сторону.

Мило.

Николаич, не торопясь, проходит рядом с нашим грузовиком. Останавливается на полпути к бронетранспортеру.

– Вот ёж твою медь – отчетливо выговаривает Семен Семеныч. – Если начнут поливать, то и не рыпнемся.

– А спрыгнуть если с дороги?

– Ноги поломаешь – высоко тут...

Да, кольцевая трасса высоко поднята над землей, пропуская под собой железнодорожные пути. Этаж третий, пожалуй, а то и выше получается.

– Но на шашлык-то идти не хочется – грустно замечает Саша, и мы все трое передергиваемся, вспомнив недавнюю встречу с людоедами. Как бы и эти встречные не оказались такими же отвязными молодцами.

– Постарайся поскорее разлить желчь, пусть им горько будет...

Остается сидеть, ждать...

Ждем.

Прошло несколько веков, наверное, потом в головной БТР отваливается боковая дверца-ступенька и оттуда вылезает чувак в городском камуфляже и берете.

Не торопясь, идет к Николаичу.

Останавливается в паре шагов.

Небрежно козыряет.

Саша нервно хихикает:

– Ваши документики, гражданин!

Точно, это же мент, я-то смотрю – камуфляж знакомый.

Николаич ведет себя спокойно: о том, что начнет вертеть башкой в опасной ситуации, оценивая расклад, и таким образом оповещая остальных, он не раз толковал. Значит, похоже на то, как говорит обычно наш пулеметчик Серега, – это тоже обычные выжившие. Но получше экипированные, что сразу видно.

К менту подходят еще двое мужчин – один в военном камуфляже и гражданский. Правда, у обоих за плечами «весла». Но вместо разгрузок – на солдатских ремнях с цинковыми пряжками древние под сумки из брезента.

Николаич машет рукой, подзывая к себе.

Подходим. Правда, остальные ребята из нашей группы, а также все примкнувшие к нам беженцы остаются в машинах.

Оказывается, это техника с учебного центра МВД в Молосковицах. Занимаются вывозом уцелевших – правда, в отличие от нас, берут не всех, а только тех, кто подходит по полу, возрасту и профессии.

Сильно удивляются тому, что Кронштадт устоял. Как-то упустили они мореманов из внимания – но по сухопутчикам дают несколько точек, где вояки удержались.

Не удержавшись, спрашиваю, а куда спихивают всех остальных.

Не моргнув глазом, мент отвечает: к воякам – те дальше по КАД находятся. Будем проезжать – не пропустим. В свою очередь, спрашивает, что мы такого хорошего видели.

Николаич хмыкает и предлагает поделиться информацией взаимно.

Мент задумывается. Я пока рассматриваю автомат у него на груди. Первый раз такой вижу – явно АК, но непривычного вида: по силуэту – калаш, только газоотводная трубка непривычно толстая. А все, что было в АК-74 из черного пластика, тут из какого-то серо-зеленого, да еще и цевье слито воедино с накладкой на газовую трубку.

Не могу не отметить, что дисциплинка у них на уровне – никто поперед батьки не лезет. Разве что военный спрашивает разрешения выпустить публику из автобусов «для оправиться».

Мент разрешает, и скоро на дороге уже сильно позабытая картинка: «мальчики направо, девочки налево».

По физиономии мента видно, что он парень-жох. Но и Николаич не в соломе найден. Оба это видят, и начинается этакий торг информацией, с попутным прощупыванием, кто чем может быть полезным.

У ментов – техника и оружие в неплохом наборе. Правда, с топливом и боеприпасами неважно. Пока хватает, но хотелось бы и побольше. Делиться броней не рвутся.

Ответно Николаич соблазняет всякими благами выжившего города, каким сейчас получается Кронштадт, и среди благ больница занимает не последнее место.

На предложение мента присоединиться к ним Николаич вежливо отказывается, а на попытки запугать (мент никак не может не проверить и такое) отвечает, что все, что мы говорим – репетуется на Кронштадт. Немедленного ракетного удара за наши обиды он обещать не берется. Но отношения будут попорчены, а кому это сейчас надо?

Мент с этим соглашается, хотя у меня создается впечатление, что и угрожать он стал по привычке, без особой старательности.

Нам от этой встречи пользы ровно никакой, а молосковицкие узнают, зачем это мы сеткой стекла прикрыли. Морфов они не видели, шустрики только попадались. Экие счастливики... Не уверен, что они в это поверили, но вроде как призадумались. Дополнительно пытались нам всучить семью театрального критика, но Николаич вежливо отказал, ссылаясь на загруженность транспорта...

Еще Старшой рассказывает про людоедов, что тоже воспринимается как байка. Ну да к Финскому заливу им выдвигаться пока без надобности, но если что – проверят, кто какие шашлычки жарит. У них пока все пучком – кушают только правильную еду.

В свою очередь, сообщают волну и позывные сидящих неподалеку от нас ОМОНовцев.

Тут к Николаичу подходит Дима-опер и говорит, что у одного из штатских обнаружил винтовочку, о которой давно мечтал.

Мент поднимает бровь.

Дима тычет пальцем в справившего свои нужды паренька лет шестнадцати.

У того на спине болтается странный агрегат – явно снайперская винтовка, причем впридачу еще и с глушителем, но какая-то очень короткоствольная, несерьезная, несмотря на сошки и прочие придамбасы, положенные снайперке.

– Что дадите взамен? – спрашивает, немного оживившись, мент.

– «Клин» и две обоймы.

– Не смешите мои тапочки. У нас «Клинов» вагоны и фургоны. А это – штучный товар.

– Но ведь малопулька!

– Зато снайперская и бесшумная.

– Хорошо – тогда можем дать еду из ресторана.

– Китайского или корейского? Крысы и собаки? – ехидничает мент.

– МакДональдс. Пойдет?

– Черствые булки?

– Нет, все из холодильника. Двадцать килограмм полуфабрикатов под гамбургеры и чизбургеры. В комплектности. То есть булочки, мясо, сыр, шпинат.

– Там еще был лук.

– Лука нет. И помидоров нет. Дам двойной набор соленых огурчиков.

– Тогда это не ресторанный еда. И огурчики – какой дурак потратит на бигмаки!

– Ну, как хотите. Дима – придется тебе обойтись...

Николаич поворачивается и показывает спиной, что ждет ответного предложения. Типа, вот уже ухожу. Почти совсем весь ушел.

Мент хмыкает и говорит:

– Сорок килограмм. И я все взвешу.

– Тридцать!

– Тридцать пять. И еще пятьдесят пирожков с вишней.

– Тридцать три. И откуда вишня?

– Пятьдесят пирожков! И заберете семью театрального критика.

– Тридцать пирожков, если с семьей. К слову – семья большая?

– Он с женой.

– Жена красивая?

– Нет, она тоже критик.

- Да это шантаж и грабеж!
- Винтовка куда дороже стоит! И учти – сейчас таких уже не делают.
- Хочешь сказать, что только по доброте душевной?
- Точно так. Сам себе удивляюсь.
- Тогда тридцать пирожков.
- По рукам.

Далее мент и еще несколько человек тщательно принимают груз и оттаскивают его в грузовик. Мы взамен получаем куцую снайперку и пару пожилых, пришибленных судьбой супругов. Их сажаем на освободившееся в УАЗе после выгрузки пакетов с едой место.

В итоге желаем друг другу доброго пути, встречные рассказываются по своим местам и катятся своей дорогой.

- Грузовичок такой я бы не прочь был получить – мечтательно замечает Николаич.
- Это который зеленый – военный?
- Получается так... Зилок 4334... Симпатичная вещь. Нам бы не помешал.
- А мне непонятно, почему они броней не выручают своих ОМОНовцев.
- А почему мореманы не выручают курсантеров из училища им. Фрунзе, не удивляет?
- Удивляет. А почему, кстати?
- Да потому. Высокая политика.
- Это как? – продолжаю тупить я.

– Получается так, что очень просто. В Дзержинке – парни самые что ни на есть демократические – из низов, так сказать. Максимум карьерного роста – каперанг, да и то сложно этого достичь: инженеры же, не командиры. Потому амбиции – низенькие. Да и в другом у них амбиции – зато могут починить реактор при помощи кирпича, куска проволоки и пары гвоздей. Стыдно такие вещи не знать – питерские девушки и то в курсе и потому женихи из Дзержинки как бы не очень котируются у невест – вечно в мазуте, масле, погонны жиденькие, денег мало и гордятся тем, что девушка и понять-то не сможет из-за сплошной технической терминологии.

А во Фрунзе – учатся многие родственники весьма высокого полета птиц, элита морская потомственная, амбиции у фрунзаков – как у молодого Цезаря, карьеру могут сделать – ого-го какою. И у невест фрунзаки – самая желанная добыча.

Вот и представьте, Доктор, кто коменданту Кронштадта больше нужен: несколько сотен инженеров по разным коммуникациям и без амбиций – или несколько сотен Цезарей начинающих. Ну да, они могут провести флот через три океана по звездам, но вот копаться в говне и мазуте и чинить коммуникации их хрен заставишь – они ж все во сне видят, как по «Розе ветров» пройдут...

– Это как?

– В актовом зале училища в самом центре паркет в виде розы ветров выложен. По традиции прямо через нее может идти чин не ниже адмирала. И только. Остальные же права такого по традиции не имеют, потому обходят. Странно, что вы такого не знаете – вроде ж даже ленинградец...

И что еще сказывается – начальство во Фрунзе повыше рангом, чем каперанг Змиев. Потому выручать он их станет, когда они совсем в ничтожество впадут и сами поймут, насколько их благодетельствовали. Не раньше.

- Вон оно как!
- Получается так. Ну, по коням.

Двигаемся дальше.

Честно признаться – уже умотался. Потому снимаю указанные объекты на полуавтомате... Магазины, склады, предприятия, которые чем-то могут быть интересны. Еще делаем проскок на паре УАЗов по Пулковскому шоссе – ближе к городу у комплекса магазинов оказывается весьма густая толпа неупокоенных, а в сторону аэродрома кто-то уже уселся на складах и предупредительно пострелял в воздух, когда мы приблизились. Хорошо хоть, не по нам...

– А знаете, Доктор – вот вы толковали о руководстве... – поднимает брошенную было тему водитель.

– Ну, толковал...

– И с чего это вы посчитали, что оно могло за рубеж рвануть?

– А почему – нет?

– Так вроде оно же наше?

– Ну, так оно же очень неоднородно. Вон бывший предсовбеза сидит в Лондоне и призывает устроить крестовый поход на недемократическую Россию. Или вон Илларионова уволили – а он сразу дернул в США и давай там, опять же, требовать санкций. А ведь не член собачий – советник Президента как-никак. Гостайны знает наверняка – а рванул в Штаты. Вот можете себе представить, что Кондолиза эта после отставки в Россию рванет и будет тут требовать, чтоб США наказали за ее отставку?

– Не, не получается.

– Вот видите. Потому как ее хозяева – в США. Ну, и у Илларионовых хозяева – тоже там. Или в Лондоне. Помните, как наших руководителей легко сажали: раз – и Адамов в тюрьме, раз – и Бородин... И ничего так...

– Мда... Ладно, я лучше песню спою. А то вы еще тут гадостей наговорите... Лучше слушайте:

Жил-был знаменитый писатель –
Лев Николаич Толстой,
Ни рыбы, ни мяса не кушал,
Ходил по аллеям босой.

Жена его Софья Толстая,
Напротив, любила поесть.
Она босиком не ходила,
Спасая семейную честь.

Из этого в ихнем семействе
Был вечный и тяжкий разлад:
Его упрекали в злодействе –
Он не был ни в чем виноват.

Имел он с правительством тренья
И был он народу кумир
За роман свой «Анна Каренна»
И обратно «Войну да и мир».

Как спомню его сочиненья,
По коже дирает мороз,
А роман его «Воскресенье»
Читать невозможно без слез.

В деревне той, Ясной Поляне,
Ужасно любили гостей.
К нему приезжали славяне
И негры различных мастей.

Однажды покойная мама
К нему в сеновал забрела.
Случилась ужасная драма,
И мама меня родила.

В деревне той, Ясной Поляне
Теперь никого, ничего...
Подайте ж, подайте, граждане,
Я сын незаконный его.

– Ну как, понравилась песня? – горделиво спрашивает Семен Семеныч.

– Отлично! Просто замечательно. Только вот, наверное, надо было бы снять слева – там же Мясокомбинат и Институт Крылова были?

– Нечего там снимать – полностью демократизированы.

– Что, вот прямо полностью?

– Ага. На всем мясокомбинате работал, может, один цех – колбасу делали, а остальное – либо в забросе, либо в аренде. Дружок мой Валерка оттуда кондитерские изделия возил...

На Московский проспект соваться неохота – в районе Шушар немислимая свалка машин, дороги не видно. Дальше подкатываем к ТЭЦ.

Мне приходится побегать, чтобы выбрать лучший ракурс для съемки: оказывается, тут, в Купчино, здоровенная овощебаза и куча всяких складов. Что интересно, живые здесь явно есть; мало того – вижу, как туда заворачивают несколько грузовиков. Да и дорога изрядно почищена – все брошенные машины стоят на обочинах. На ТЭЦ такой яркой жизни не видно, но Семен Семеныч говорит, что видел нормальных людей на территории... Ну да, тут же и вооруженная охрана была, и режимный объект опять же...

Но вот зомби я видел куда больше и куда чаще, чем живых...

Потом сплошной чередой – склады, терминалы, предприятия – и так до Невы. Красавец вантовый мост дает возможность сделать подробную панораму. А дальше опять те же гаражи. Предприятия и склады. Сроду бы не подумал, что их так много, а мы еще и половину дороги не проехали. Как-то не обращал раньше внимания, какой громадный город, в котором я прожил всю свою жизнь...

Ну, не всю жизнь еще... Надеюсь, еще поживу...

Кусок трассы, на котором нет ничего особенного, и можно перевести дух, откровенно радуется. Зато очень скоро встаем на трассе, и долго снимаю комплекс магазинов – тут и ИКЕА, и МЕГА, и еще что-то. Прямо при нас от магазинов вырывают пять грузовиков и катят к нам. Я не заметил, откуда они взялись, но что на площадках магазинов машин немного, я и отсюда вижу. Стоячих зомби нет, зато с краю явно валяется пара десятков тел.

Грузовики выезжают на КАД и скоро останавливаются рядом с нами.

Оттуда вылезают мужики в камуфляже, но камуфляж разношерстный и по виду и по цвету. Двое так вообще в черном да еще и в касках. Настроены настороженно, но стрельбы не

открывают, хотя все обору́жны – вижу у них калашы со складными прикладами, ну да в кабине такие – в самый раз.

Снимаю, но по возможности незаметно, не из положенной позиции, а положив камеру на торпеду в кабине.

К подъехавшим подходят Николаич с Димой. Один из черных кивает и, по-моему, даже делает движение рукой к козырьку. Но удерживается. Не стал козырять.

Разговор идет совершенно спокойно, потом черный достает блокнотик и начинает что-то черкать, как усердный школьник на диктанте, а Николаич всей своей фигурой изображает смирение и терпение школьного учителя, в тысячный раз повторяющего свое исконное «Мама мыла папу рамой».

Стоящий за спиной черного долговязый парень в камуфляже, очень сильно напоминающем мне эсэсовский пятнистый времен войны, заглядывая через плечо пишущего черного, быстро перекачивает информацию к себе на какую-то бумажку.

– Ишь, двоечник – шепчет Саша, глядящий туда же.

При этом небрежно лежащий автомат Саши смотрит дулом как раз на группку встреченных.

Николаич подносит к голове коробочку «Длинного Уха». Зуммерит у нас в кабине.

Саша дисциплинированно откликается. Оказывается, мы можем выйти размять ноги. Про охранение – не забываем.

Вылезает из кабины. Снимаю на камеру встречу, при этом заметивший мои действия второй черный тут же решительно двигается в мою сторону, громко и грозно вопрошая:

– Кто дал разрешение на съемку?

И решительно тянется рукой к видеокамере.

Семен Семеныч ловко втискивается между нами. Саша передвигается вбок, открывая для себя директрису стрельбы, но тут оторвавшийся от записей пишущий начальник поднимает башку в зеленом шлеме (именно шлеме, а не обычной армейской каске) морщится и громко останавливает напарника:

– Леша! Это не журналисты, а мы не на задании. Уймись.

Леша унимается. Похоже, что спонтанно при виде камеры сработали вколоченные рефлекссы.

– Закурить не найдется, мужики? – дружелюбно спрашивает он.

– Да вся команда некурящая собралась... – отвечает ему вежливый Саша.

– Здоровье бережете?

– Ага. Вот – Доктор не разрешает. И, к слову, у тебя в кармане неплохие сигареты.

– Чужие вкуснее, – откровенно лыбится Леша.

– Да-а ла-адно, как говорит Канделаки, скажи уж лучше, что так привычнее разговор начинать.

– И это тоже. Вы что, и впрямь из Кронштадта?

– Ага. Как в фильме, – замечает наш водитель.

– Каком фильме?

– Вот, уже молодежь подросла... Известно в каком: «Мы из Кронштадта».

– Не слышал.

– Ясен день, не кунг-фу же...

– Да-а ла-адно, как ты сам сказал...

Пока они треплются, я доснимаю сцену встречи. Зачем – не знаю, но вдруг пригодится.

Немного прохожу вдоль ограждения трассы – хочется взять вид этой группы гипермаркетов получше. В операторском раже немного забываю про то, что на дороге может быть не вполне безопасно – что мне и выговаривает Сергей, стоящий на страже.

Наши найденыши тоже повывлезали из своих машин, но разбрестись им не дали. Кучкуются, не отходя далеко. Объясняю Сереге, что неплохо бы пройти метров 50 – так будет и боковина видна этого комплекса, и фасады тоже.

Серега окликает мужиков-беженцев, чтоб смотрели по сторонам, и провожает меня, аккуратно и грамотно прикрывая. С его дудкой рядом мне становится куда спокойнее, и работать уже проще.

Замечаю то, что то ли упустил впопыхах, то ли только сейчас открылось с нового ракурса: на ветках деревьев у парковки трепыхаются несколько зомбаков, подвешенных как на гравюрах Колло, но при этом трепыхающихся... Дистанция невелика – видно в деталях. Ну, трепыхаются – сильно сказано. Скорее, шевелятся.

Кроме этой детали, замечаю еще будки на крышах. Сделаны, по моему разумению, из подвернувшихся под руку материалов, из двух дымок валит – печки, наверное, внутри.

Но это не самое важное – важнее то, что я точно вижу стволы как минимум трех пулеметов. Конечно, от современного противника – зомби – ДОТ не обязательно делать из бетона. И караулки на крышах поставлены грамотно: под прострелом и фас, и дорога, на которой мы стоим, и подъезды к магазинам. И сидеть внутри достаточно комфортно – это не под открытым небом за мешками с песком. Хотя какую-то защиту они там должны были бы поставить – мало ли кто с дороги пульнет...

Когда возвращаюсь обратно, группки уже расходятся – встреченные рассаживаются по своим грузовикам, наши тоже лезут по машинам. Грузовики берут резкий старт и быстро уходят от нас прочь. Мы придерживаемся прежней своей скорости – ну, типа, чтоб отснять все подробно, но я-то, посидев в УАЗе с вынесенными стеклами, понимаю, что на скорости не то что попугаи, подаренные нам так неожиданно, простынут, а и наши компаньоны заледенеют.

Саша рассказывает, что это сборная селянка из Медвежьего стана. (Вот уж имечко для поселка!) Там в куче оказались и заводские с предприятия, делающего взрыватели, и инженеры из соответственного НИИ, и полицейские (мы как раз с ними и разговаривали), учебка там для наркоконтролеров оказалась очень кстати, да плюс, конечно, местные, беженцы из Питера и все, кто живым добрался.

Вот вся эта орда подмяла под себя эту группу магазинов и худо-бедно их контролирует. Спрашиваю насчет того, кто тут висел. Вроде как, со слов этих полицейских, были стычки с несколькими группами не то бандитов, не то просто беспредельщиков.

– Чушь. Обычные пьяные мудаки, устраивавшие погромы в магазинах. На рупь выпил, на сто разбил и на тыщу нагадил...

– И что, за это сразу вешать? – несколько удивляется Саша.

– А почему бы и нет? – хмыкает Семен Семеныч. – Вот Доктор, небось, это и обосновать может легко.

– С чего бы это мне обосновывать?

– Интеллигентный человек, – Семен Семеныч хитро косит глазами в мою сторону – всегда с легкостью найдет оправдание любой мерзости. Неужели не сможете найти исторических примеров пользы жестокости?

– Это-то легко. Недалеко ходить – цивилизованные англичане несколько сотен лет вешали за все подряд – и за бродяжничество, и за мелкое воровство, и за все остальное...

И за дебош в лавке с нанесением ущерба – тоже вполне повесили бы...

– На это положено отвечать, – хихикает Саша, – что когда одних воришек вешали, другие тырили по карманам у зевак и, дескать, эта жестокость бесполезна – любимая отмаза либеральная в инете была. Причем не смущались тем, что это в точности соответствует их любимой фразе об английском газоне, который триста лет стричь надо, чтоб хорошим был.

– А на это положено отвечать, что потом вешали и этих воришек, и тех воришек, которые уже на их казни крали, – тоже вешали... Так что за сотни лет воспитали законопослушную публику. А незаконпослушную – банально повесили. И в Германии ровно то же было, и во Франции... Только в Англии это было пожесточе. Сиживали в инете, сиживали!

– Вот! – торжествует наш водитель. – Я же говорил – интеллигентный человек может оправдать все, что угодно!

А ведь подловил он меня, ехидина...

Дорога идет по неинтересным в плане выживаемости местам. Единственное, на что обращают мое внимание – какой-то хладокомбинат, стоящий в километре от дороги.

Да эти промышленные коробки уже осточертели до слеза... Да их же сотни!

Но я понимаю, что потом все эти видеоматериалы не один раз отсмотрят штабники в Кронштадте, и очень может быть, что по нашим следам пойдут группы для взятия под контроль жизненно важных предприятий, участков дороги или поселков.

Потому – снимаю и снимаю...

– О, сейчас, наконец, армейские должны быть, – замечает водитель.

– А что тут?

– Ржевский полигон имени соответствующего поручика. Самая здоровая пушка СССР тут стоит. Так и называется – Главный калибр Советского Союза! Только хрен доберешься – все под охраной.

– А вы откуда узнали? – поддерживает разговор Саша.

– Был в Финляндии – ездил на экскурсию на Мокрый остров, там такие же стояли. Финны хвастались, что их пушки в отличном состоянии, а вот наша, дескать – ржавая до визга.

– Это что, финны такие же пушки сделали, как СССР?

– Ага, как же... И та, и те – российские. И у финнов все-таки, думаю, калибром пушечки-то поменьше... Не уникамы.

– А, вон оно как... так тут и сейчас полигон?

– Не знаю. Но военные тут были точно. Хотя их сейчас куда меньше стало: вон казармы – так там сейчас страйк-бол. Типа пейнтбола, только для честных.

– Это как?

– Ну, в пейнтболе если попало – так сразу по краске видно, а в страйке – нет. Саша, сообщи Старшему – пикет впереди.

– Где? Дорога пустая же?

– У моста справа – явно блокпост. Дорогу перегораживать не стали, а вот расстрелять тех, кто прорываться попробует – раз плюнуть.

– Наблюдаю блокпост и патруль еще один.

– Где?

– Над КАД поперек – путепровод. Вот они на нем.

Ого! Серьезно у них тут все: на путепроводе стоит БТР, смотрит дудкой вниз, чуток подальше, за бетонными блоками, приземистая БМП и рядом с мостом – еще одна.

Только танков не хватает.

Мда, Ржевский полигон.

Сильно похоже, что нас тут ждали – на обочине довольно спокойно стоит группка вооруженных АК-74 людей. Явно вояки. Один из них машет рукой.

Послушно тормозим.

Николаич подходит к стоящим.

Видно, что здороваются.

Нам Старшой никаких знаков не подает, ведет себя спокойно.

Беседуют.

Незаметненько снимаю, что тут и как. Саша замечает еще пару БМП, обеспечивающих круговую оборону. Дорога тут под прицелом. Я тем временем обнаруживаю будки за машинами – ну точно, блокпосты.

Дорогу могут перекрыть на счет раз.

Николаич подходит к нам, открывает дверь.

– Вояки предлагают нам взять с собой десяток раненых и спрашивают: на семинар их медики могут прибыть?

– Что за раненые?

– Не знаю. Но получается так, что тяжелые.

– Ну, я так не против.

– Ага. Я уже согласился – нам броник придадут для усиления.

– С чего они про семинар узнали? Им что, звонили?

– Звонили – те мужички, что с нами пообщались у ИКЕИ. Языками...

– Что-то мне говорит, что особо нам выбора и не оставили?

– Не без того. Полностью добровольно... И отчасти принудительно...

– Ждать долго придется?

– Нет, у них уже все готово...

– Что-то не очень верится...

И действительно, минут пятнадцать ждем. Разговаривать под прицелом как минимум трех серьезных огнестрельных приспособлений не тянет, да и вояки выглядят уставшими – тоже не очень общительны.

Что странно – справа и слева у дороги разнесенные вдрызг пятиэтажки. Бои у них тут, что ли, были?

Наконец, выкатываются две машины – медицинская обшарпанная «таблетка» и фургончик. Следом катит БТР–70. Техники тут у них... Но коптит БТР изрядно, старенький уже, видно.

Вылезаю из кабины под снежок, иду к новоприбывшим. В кабине таблетки – двое.

Шофер нормален, а вот пассажир выглядит паршиво. Стучу в стекло со стороны пассажира. Чуток стекло опускается.

– Вы сопровождающий?

Шофер машет рукой – дескать, отсюда подходи.

Подхожу.

– Это больной – медиков с собой не брали, у них работы и так до дури, не оторваться.

– Больных много?

Шофер мнется.

– Слушай! Нам выбирать нечего под всеми этими дудками и под конвоем БТР. Все равно едем в больницу, так мне знать надо, что везем.

– А ты кто?

– Дед Пихто! Врач я.

– Че, серьезно? А что ты тогда не в больнице?

– Забыл тебя спросить. Что за больные?

– Да я без понятия. Во второй машине санитар – его и спрашивай. Вот этот рядом – кашляет. Это заразно?

– Нет... наверное.

Санитар во второй машине – сухонький мужичок под пятьдесят. Но, в отличие от шофера, замечает сумку у меня на заднице и потому не хорохорится. Всего больных – дюжина. Тяжелых – трое: у одного газовая гангрена, которую не удалось подавить, а ногу ампутировать он не дает – здоровый мужик, да и родственников у него полно, потом не расхлебашь; девушка после аппендэктомии, но удаление прошло как-то не очень удачно, хотя вроде бы любой врач

аппендицит удалить обязан уметь, а сейчас, вероятно, перитонит завязался; еще один – с явным столбняком, диагноз поставили с трудом – такого давно никто в глаза не видал. Остальные – вперемешку с обострениями хронической своей и прочими мирными и привычными бедами, тут в момент ставшими совершенно непереносимыми.

– Инфекционные болезни есть?

– Нет, все с этими хворями – вон, на поле. (Тычет пальцем в табор из палаток и вагончиков на пустыре).

– Решительно тут у вас.

– А что еще остается? Да, и не раздражайте командира БТР.

– С ним что?

– Зубы болят. Вторую ночь не спит. А стоматологов у нас нет.

– Мда... Подарочек... Учтите, если тащим укушенных или инфекционных больных, а вы меня не предупредили, будет очень плохо сначала мне, потом еще хуже – вам. Нет возможности кому-то из пациентов обратиться и перекусать остальных?

– Да не должны – на всех платки надеты, чтобы рта не открыть было. Ну, и присматривают друг за другом, разумеется.

– Жидковатая защита.

– А они вооружены. Частью. Кто повменяемее. В основном, кто вменяемые. И этот, с гангреной, сразу предупрежу – тоже с пистолетом... Но он пока тоже немного вменяем...

– Подарочек...

Из люка БТР высовывается злющая распухшая рожа, обмотанная какими-то тряпками, отчего похожа на футбольный мяч.

– Эй, ты, выкидыш свиной! Долго еще задерживать будешь?

– Я врач. Мне нужно, чтоб все пациенты доехали живыми. Это вы две ночи не спали?

– А то, твою мать, ты сам не видишь! Глаз нет, придурок?

– Вы пока тряпки эти смотайте с себя. Там компресс?

– Да ты очумел, живодер! Я же застужу еще хуже!

– Там у вас компресс?

– Ну да, со спиртом, чтоб грело!

– Нельзя греть снаружи. Только хуже будет. Снимайте все. А насчет хуже – вы считаете, что может быть хуже? По-моему, хуже некуда. Снимайте, снимайте!

– Отвечаешь? – недоверчиво спрашивает бедолага и испытующе таращит на меня запухшие глаза.

– Отвечаю. И пошлите кого-нибудь за горячим чаем в термосе. И лучше не сладким.

– Что, пить захотелось?

– Нет, это вам – рот полоскать, пока едем. Лучше бы шалфеем, или корой дуба заваренной, или водой с солью и содой, но и чай пойдет – главное, чтоб горячий.

– Ты что, серьезно? – всерьез удивляется новоиспеченный пациент.

– Совершенно серьезно. А сейчас я тебе таблеток дам.

– Уже давали. Пару горстей, бнах!

– Ничего, я правильные дам.

Что ж дать-то ему? А вот «найз» и дам. И пару темпалгина. А вообще-то, если б не кой-какой опыт – впору было бы в штаны наложить. Пациент, съехавший с катушек, способен наворотить черт знает чего – во время боевых действий раненые, бывало, и стреляли в медиков, а потом объяснить не могли, почему это делали...

А тут у пациента и автомат на плече, и крупнокалиберный пулемет...

Таблетки взял. Съел без запивки. Судя по слезящимся глазам и выражению лица, готов на что угодно, лишь бы чуток отпустило. Пару ночей ходить по стенкам – это воодушевляет сильно.

Посланный за чаем паренек оборачивается быстро:

– Во! Лучше, чем чай! Кофе с молоком! Сказал, что для больных!

– Мудило! Я ж тебе внятно сказал – чай! В жопу тебе кофе! – ревет командир БТР.

Влезаю в беседу, пока до смертоубийства не дошло:

– Нормально, кофе тоже годится! Горячий?

– Кипячий! – это паренек говорит.

– Тогда полощите рот, только не ошпарьте слизистые. Чтоб горячо, насколько терпимо.

Но без ожога.

Мужик с перекошенной мордой – а раздуло его качественно, что особенно заметно после того, как он тряпки с головы смотал, – смотрит подозрительно:

– А ты точно врач?

– В чем сомнешья?

– Да тебе один хрен – что чай, что кофе... Чтоб кофеем рот полоскать...

– Не один. Я вам внятно говорил: заварка шалфея или коры дуба – лучше. У вас есть заварка с шалфеем?

– Глумишься? Откуда тут шалфеем?

– Ну вот. Принцип простой: снаружи греть больные зубы нельзя – лицо еще больше отечет, и боли будут интенсивнее. Греть надо изнутри – ополаскивая больную десну. Горячей жидкостью. Постоянно. Кофе – жидкость?

– Ну, жидкость.

– Вот и полощите. Приедем – найдем и шалфеем, и стоматолога. Хотя зуб придется драть: бессонная ночь – прямое показание.

– А если не драть?

– Потом придется операцию делать на челюсти, потеряете пару-тройку зубов. И давайте закончим разговор – вам полоскать и полоскать...

Болезный улезает в люк. Подмигиваю паренюку и возвращаюсь к санитару.

– Это кто ж тут у вас?

– Да всякие разные, – и санитар перечисляет пару десятков предприятий, ВОХР, подразделения с Ржевского полигона и так далее...

Все-таки вернуться обратно в кабину – приятно. Трогаемся – ну, если не гора с плеч, то такой курганчик...

– А кроме вояк, тут кто еще? – интересуется мой напарник.

– Да всякой твари по паре: и ВОХР с завода, и заводские, и химики, и местные. Беженцев набрали еще... Монолитовцы тож...

Саша подпрыгивает:

– Какие монолитовцы?

– Гаражный кооператив здоровенный так называется. От них тут отряд самообороны. А что ты подпрыгнул?

– Не, так, ничего...

Прыскаю про себя с серьезной физиономией – явно Саша в «Сталкера» рубился...

Тем временем нам дают отмашку, трогаемся дальше.

На пустыре за блокпостами табор: яркие туристические палатки, строительные вагончики, автомобили. Пара вышек с силуэтами на них. В ту сторону как раз санитар показывал.

– Это что такое за цыганский лагерь?

– Беженцы, наверное. Санитар толковал, что тут у них инфекционные больные.

– Дык тут домов полно. Разместили бы в тепле.

– Ну, это типа карантина. А может, в домах места нет или опасно. Хотя если тут дизентерийные – лучше их в чисто поле.

Прокатываемся уже разросшейся колонной по Беляевскому мосту.

Тут меня дергают снять какую-то нефтебазу в полукилометре от дороги.

Встряхиваюсь. Чего-то замотался. Спать хочется сильно. Саша откровенно зевает.

– Эй, вы, кончайте зевать, – буркает Семен Семеныч. – Глядя на вас, и меня в сон потянуло! Хотите уехать в кювет? Не хотите – тогда давайте общаться. «Грачи» вы или кто?

Раз едете пассажирами – извольте увеселять водителя. А зевать да спать – себе могилу копать.

– А вот что вы так презрительно про «Жип Широкий» отозвались? Вроде бы «Чероки» получше УАЗа будет? – продолжает Саша уже вовсе забытую тему.

– Дык а как о нем отзываться? У джипа – и несущий кузов! Курам на смех. Далее – зеркала очень быстро начинают портиться. Все шильдики ржавеют за год. Ну, и с электрикой беда. Вот остановимся – спросите у Нади, что сейчас джип ведет: подогрев сидения работает или нет. Готов на рупь поспорить – не работает. А самое главное – коробка автомат для джипа. Если его по нашим дрищам гонять – выходит из строя на раз. Ну и получается: джип – девок в казино возить. А для этого джип не нужен. Это – понты. Самое смешное, что целая куча этих самых чероксов – заднеприводные. Вот это уже понтее понтов. На брюхе – шелк, а в брюхе – щелк.

– О, а я вдруг подумал: можно же у Нади, кроме электроподогрева, и про подарки женщинам в больнице спросить! Она и женщина, и медик.

– Спихватились! Уже спросили. Она меня при всех в галошу посадила и плавать отправила.

– Когда это вы успели-то?

– Пока вы в «Макдональде» шарились. Мне эта мысль в голову тоже пришла. Я ее спросту и спросил.

– А она?

– А она глянула так и спрашивает: «Вы же вроде говорили, что женаты?»

Ага, говорю, уже двадцать шесть лет.

Она так картинно удивилась и заявляет: «И что, ваша супруга никогда колготок не носила?»

Ну и все. И сказать нечего. Конечно, колготки... Умыла девчонка, как маленького...

– Ловко! Действительно, все гениальное просто. И что будем делать?

– Есть у меня наколка на карте, где колгот куча.

– Сейчас приберем?

– Нет, сейчас не получится.

– А где колготы-то?

– Будете ржать – высажу.

– Не будем.

– В кузове моей фуры. На том же предприятии, откуда этот грузовик с бананами брали. Рядом с американцем этим как раз стояла.

– Семен Семеныч, при всем уважении – Бугага!

– Вот так и знал, что заржете.

– А что еще остается?

– Ржать внутренне. Про себя, с соответствующим выражением лица.

– Извините, но реакцию надо было обозначить, чтоб показать свое участие в беседе. Вот представьте – вы сказали, где колготы. А мы сидим с индифферентными мордами. Как-то не по-человечески... – приходится оправдываться мне.

– Ладно, проехали, – великодушно прощает нас шофер.

– А что вы про пушки рассказывали – интересуетесь вопросом?

– Нет, это так. По детским впечатлениям, – улыбается Семен Семеныч.

– А что за детские впечатления?

– Я перед армией в ДОСААФе на водителя учился. А положено было еще и работать: школу закончил, а до армии еще время оставалось – пока восемнадцать лет стукнет. Ну, и поработал некоторое время, пока прав не было, еще в Артиллерийском музее. Вот там пришлось пушки покатать.

– С чего это так? Там же они навечно поставлены?

– А как раз была реконструкция пятого зала.

– Это который про начало Великой Отечественной?

– Он самый. Там уже подиумы старые стали ломаться – пушку же для хранения вывешивать надо, а если она на колесах стоять будет, то наполнитель резиновый – гусматик – деформируется, и катить такую пушку будет нельзя.

– Точно, я видал: у нас маневры были, так в артполку треть гаубиц накрылась после небольшого марша в сто километров – от колес аж ошметья летели... – вспоминаю я свою не очень давнюю службу в армии.

– Вот-вот. Пушки со старых подиумов скатили, и они в зале стояли вполне себе на полу. А со старыми подиумами распрощались – разобрали и вынесли. Новые же задержались. Ну, и так вышло, что я участвовал сначала в снимании пушек с подиумов, потом в расставлении их по залу, ну и на новые подиумы ставил тоже. Не один, конечно. Но как молодой – здоровый участие принимал с остальными стариканами.

– Так что есть опыт артиллерийский?

– Скорее, транспортный – по профессии. Сам себе тягач, называется. По работе это было необходимо – разбирались старые подиумы, орудия откатывались в сторону, потом ставились на новые подиумы. Поэтому опыт есть. Кроме того, пришлось принимать участие в перекачивании во дворе Артмузея более тяжелых систем. Вот это действительно тяжело пришлось. Там тоже в тот год перестановки делались. Вроде бы как раз ставился этот атомный миномет «Ока».

– Это такая жуткая дура вроде Большой Берты?

– Нет, Берта – пушка, нарезная. И атомными минами стрелять не может. А минометик – не нарезной. Зато может вдуть атомным зарядом на 45 километров.

Так что артиллеристом назвать меня нельзя. Работу танковых орудий и артсистем наблюдал в армии на полигоне только.

– Что-то вы улыбаетесь хитро? – подмечает глазастый Саша.

– Из молодецкой дури часть пушек катал сам. В одиночку. Стыдно признаваться, но дурил много; было достаточно свободного времени – столяры задержали поставку подиумов – и меня забыли нагрузить работой. От безделья спал в кабине «Катюши» – ну самые мерзкие ощущения: как там люди ездили – кабина «Шишиги» после «Катюши» – прямо роскошный лимузин, а уж про «Шишигу» ругани у шоферов было много, очень уж там сидеть неудобно: и сиденье не регулируется, и кабина тесная.

– А у нас трое во время маневров влезали в кабину, – вспоминаю я.

– Зимой, небось?

– Ага. В Сальских степях – неподалеку от Волгограда.

– Знаю эти места – там зимой за тридцать градусов мороз, да с ветерком...

– Точно! Но я вас перебил.

– Да, и кроме того, я там охотился с пушками за бабкой-уборщицей – она была слепая и глухая, возраста такого, что Мафусаил по сравнению с ней мальчонка пестрожопый, поэтому мои экзерциции она не замечала. Зал здоровенный – выкатываешь пушку на прямую наводку, наводишь, потом открываешь замок и смотришь в ствол – попал, аль нет. Азартное занятие.

Самое теплое ощущение – от 37 мм немецкой «армейской колотушки». Ее еще немцы после знакомства с нашими танками стали называть «Дверной молоток».

Не пушка, а песня – бегом катать можно было. ДШК на станке в разы тяжелее. Утюг утюгом... Даже наша 45 мм легче. Очень хороша на ходу 76 мм полковушка – на станке от 45 мм.

– А другие пушки как?

– Далее идет 76 мм наша, грабинская, но там куда лучше, когда кто-нибудь на стволе повиснет, а так все-таки станины поднимать тяжело: центр тяжести у нее смещен назад. Ну, потом наша 57 мм и, наконец, немецкая 50 мм. Эта при перекачивании вызывала грыженосные чуйства. Также легко было катать зенитки 37 мм. 85 мм – не пошла вовсе. Зато на зенитках – сядешь в кресло наводчика по горизонтали, крутишь рукоятку наводки, и такая карусель получается – куда там Луна-парку: крутишься с площадкой ажик со свистом.

– А 88 мм немецкую противотанковую не таскали? – подначиваю я водителя.

– Шутишь! Она, во-первых, в соседнем зале стояла, а там реконструкции не было, а во-вторых, вес у нее – трактором не сдвинешь.

– А закатывали эти пушки наверх на третий этаж как?

– Так по пандусу в вестибюле и закатывали – там же пандус с двух сторон как раз для этого и сделан. В одно время со мной там два таких же молодых балбеса перед армией прохладжались, так вот у них было любимое развлечение – гонки по пандусам устраивать. Понедельник-вторник выходные, посетителей нет, вот эти балбесы заберутся наверх – и бегом с гиканьем по пандусам вниз – кто первый добежит. А там еще такие барьерчики стояли, так они на бегу через них прыгали. Хранитель там был – спец по стрелковому оружию, Нацваладзе звали – так один его чуть не убил – налетел со всей дури. Дальше вместе по пандусу катились, чудом ничего не поломали.

– А вы с ними не бегали?

– Да ну, я был положительный, а они – шелапуты какие-то. То сперли у художников репродукцию плаката с Великой Отечественной: там такой парень-сибиряк со снайперской винтовкой показывает шесть гильз на ладони, а за его спиной – шесть березовых крестов с немецкими касками и такая подпись нетолерантная: «Бей так: что ни патрон – то немец!» и прилепили к автобусу с немецкими туристами, которые в этот момент из Петропавловки возвращались. Ну, скандал, Бульба извинялся. Другой раз их за досками послали – на нашей музейной «Шишиге». Ну, а им скучно сидеть было. Так сообразили: там в кузове валялся какой-то ватник – грязнее грязи. Весь в мазуте и прочем говнище. А за нашей музейной таратайкой на светофоре встала какая-то расфуфыренная иномарка – кадиллак. А тогда иномарок в городе было по пальцам пересчитать. Вот они в знак пролетарского протеста, когда зажегся зеленый, этот ватник за рукава взяли и на лобовое стекло иномарки кинули. Хорошо лег, плашмя. И рукавами обхватил. Иномарка так тормознула, что задние колеса от асфальта оторвались.

Оказалось, это американский консул ехал. Когда им на ветровое стекло такое прилетело, чуть от испуга не помер – думал, человека сбили. Потом его расфуфыренный водитель двумя пальчиками ватник стянул... А сквозь стекло по-прежнему не видно ни хрена: ну, мазут с грязью от ватника-то остался... Ровным слоем.

Опять скандал, на этот раз – дипломатический, опять Бульба извинялся.

– А Бульба – это кто?

– Директор музея тогда был. Полковник Бульба. Хороший мужик, но что-то ему не везло.

– А что с ним еще такого случилось?

– Собака ему живот погрызла. Причем он сам же настоял, чтоб собаками усилили охрану Артмузея. Тож инцидент был из ряда вон...

– Да рассказывайте, не тяните!

– Так и не тяну. Он как пришел – так и понеслось. Идет по коридору, а там сотрудницы перед фотографом рассаживаются – групповой снимок делать. И его позвали. Он в цветник

этот залез, а в Артмузее женщин много: в художественном отделе, экскурсоводы, бухгалтера, причем и молодые – их всех сфотографировали.

Через пару дней – Восьмое марта. В коридоре – стенгазета на эту тему. В центре тот самый снимок с подписью: «Наши милые женщины». И полковник в цветнике улыбается...

Так как-то и шло. Вроде и пустячки, а неприятно.

А потом двое сукиных детей – шпана лет по 12 – спрятались в экспозиции, дождались окончания работы музея, дождались прохождения патруля и, побив витрины, потырили кучу всего: автомат немецкий, несколько пистолетов, гранаты (холощенные, но с виду-то не скажешь), награды разные – и по веревке из окна третьего этажа спустились в парк.

Добрались до «Горьковской», а в метро их и повязали – как раз в тот день начал действовать «комендантский час для детей» – Романов распорядился, что после 22 часов дети без взрослых должны задерживаться милицией и доставляться в отделения.

Везли их в грузовичке-фургончике – ну вот, в «Операции Ы» как раз в таком Феде на стройку обед с сиреной везут – вместе с какими-то пьянющими синяками. Мальцы перепугались, и пока синяки дрыхли, им засунули в карманы гранаты, пистолеты, а автомат и остальное высыпали под лавку.

Приехали. Открыли менты дверь, говорят: выходите. Дети эти чертовы выпорхнули, а синяки проснулись, стали вылезать, да и упал первый-то. И граната покатила.

Менты аж подпрыгнули: брали ханурика пьяного, а у него и граната, оказывается! Заломали ему руки – пистолет в кармане! Тогда террористов и в помине не было – ну, разве что в Москве дашнаки пару взрывов состряпали. Да и как-то это не прошумело. Другого синяка шмонать – еще пистолет! О, банду взяли! «Черная кошка»!

А в фургончике – автомат, еще пистолеты, ордена на полу. В общем – атас! Потом разобрались.

Вот после этого Бульба и выпросил в придачу к милиционерам еще и сторожевых собак – чтоб унюхивали нарушителей. И первым под раздачу попал: засиделся в библиотеке, пошел к себе в кабинет – а тут как раз обход. Ну и покусали его... За живот...

Потом, правда, оказалось, что собак правильно ввели: постоянно кто-то прятался, благо есть куда. Но уже старались, чтоб собачки сами по себе не бегали – неровен час, опять директор в библиотеке засидится...

– А что, воровали все время? Даже тогда?

– Конечно! Наган Чапаева – раз пять тырили. Эсэсовский кинжал в пятом зале украли. Но тут нюанс: тогда все находили почему-то и возвращали.

При мне было – мужик из закрытой зоны старинную мортиру украл. Красивая такая, бронзовая. Маленькая – кило на сорок весом. А ее еще и отпидорасили до этого для съемки асидолом – сверкала, как золотая. Мужик взял лодку в прокате и по протоке заплыл. Того не учел, что хоть и октябрь был, а солнечный денек выдался. Вот по сиянию от мортиры его менты и засекли: подошли к берегу и смотрят, как он внизу веслами ворочает. Он ментов увидал – и хренак мортиру за борт. А она, начищенная, лежит на дне и сияет. Пришлось дураку лезть одетым в холодную воду, доставать – там глубина в метр где-то была.

Вот что мне непонятно: этот, на БТР который – он едет или помер? Мы ж сдохнем так тащиться, а оторваться – чревато, как бы не догнал из своей пулялки, – прерывает не лишенный интересности рассказ Семен Семеныч и внимательно смотрит в боковое зеркальце заднего обзора.

– Может, тормознем? Да я схожу, гляну. Я ему посоветовал зубы полоскать – видно, у него что-то не заладилось, – предлагаю я.

– Я бы лучше по радио запросил. Меньше риска: ну, сгрызет он рацию в крайнем случае – все не те потери. А то мы вон – крематорий проехали с колумбарием... Навевает осторожность... Саша, свяжись с Николаичем, а?

Саша, не кобенясь, берется бубнить в «Длинное Ухо». Сидим, ждем...

– Кстати, о крематории: кто знает, что в трудовой книжке у тех написано, кто непосредственно трупы жжет? – подкидываю я вопросец своим спутникам.

– Сжигатель жира? И мяса?

– Не, «оператор крем-цеха».

– Seriously?

– Совершенно. Такой тортик-мастер, знаете...

– Во, жгут так жгут...

Рядом бахает пара выстрелов. Кто-то из наших – звук от ППС уже хорошо знаком.

Семен Семеныч смотрит в окно.

– Тетка какая-то загуляла – в ночнушке и босиком...

– Откуда, тут же поля сплошь?

– Поди, знай...

Неожиданно, громко взрыкнув движками, подъезжает БТР. Из люка высовывается измученная вспухшая морда.

– Эй, помощник смерти! Можно глотать, или надо сплевывать?

С трудом подавив рвущееся с губ: «Ты не девушка и не минет делаешь, чтоб такие вопросы задавать!» отвечаю сдержанно, как подобает врачу, говорящему с измученным пациентом:

– Разумеется, можно. Если кофе вкусный.

– Так я микробов наглотаюсь!

– Последние пару дней вы этим и так занимаетесь, так что ничего нового не проглотите. А пить вам надо побольше – интоксикация уменьшится. И полощите не горло, а именно зуб.

– Глумишься? Думаешь, я такой тупой?

– Нет, просто бывали пациенты, которые путали. (А про себя: «Ну да, именно тупой!»)

– Тогда поехали.

Двигаемся с места. Навстречу бойко катят старые знакомые – те самые грузовики. Мигают фарами, приветственно библикают и рулят дальше. Видимо, у них это круглосуточная доставка, а в комплексе гипермаркетов сидят грузчики и стрелки...

– Быстро их, однако, разгрузили, – замечает Семен Семеныч.

– Так не вручную, наверное. Там погрузчиками. Тут погрузчиками.

– Скорее всего. И коробами же и нагружают. Ловкачи!

На развязке встречаемся с людьми из «Поиска» – эти, которые из Медвежьего стана. Стоят инкассаторский броневичок, УАЗ, пара джипов и автобус. Уже сразу замечаем черных – из наркоконтроля. Есть и МЧС-ники. Военные. Вооружены кто чем, но, в основном, серьезные дудки – ружей охотничьих не заметно. Серьезные-то серьезные, но очень уж разношерстные. Хотя таких раритетов, как наши ППС, ни у кого нет. Калаша разных видов и пистолеты-пулеметы, которые тоже похожи на калаш, но меньше «ксюх», и магазины неширокие.

Опять останавливаемся. Старая песня: нам доверяют жизни еще полутора десятков раненых и сопровождающих их лиц: парня в знакомой куртке МЧС, двух гражданских, капитана-связиста и пожилого мужика в камуфляже.

Опять же это все без каких-либо просьб – сугубо явочным порядком. Экипаж сопровождающего нас БТР ведет себя индифферентно, командир видно упился кофеем и вместо него торчит из люка голова того веснушчатого паренька, который так неловко расстарался, бегая за чаем.

Николаич уже в этой небольшой толпе. Саша, рассказав все услышанное по рации, предлагает мне присоединиться с Николаичу – тот седой в камуфляже оказывается медсестрой. Так уж повелось, что медбратом называют обычно санитаров без специального медицинского образования, и парни, обучившиеся в медучилище, оказываются с несурным названием про-

фессии. То есть вроде как они медбратья, но, отрекомендовавшись так, тут же воспринимаются как санитары...

Подхожу. Здороваюсь. Мужик называет себя, представляюсь ему, жмем друг другу руки. Признается, что его отправили для проверки – не загребут ли кронштадтские всех медиков к себе. Если не загребают – тогда можно работать, хотя у них тут медиков кот наплакал.

Спрашиваю: а как же он будет семинар слушать и потом рассказывать своим коллегам? Усмехается и показывает портативный диктофон. Собирается записывать все подряд. Потом пусть слушают. Неплохо придумано. Раненых нам набрали полтора десятка: частью – сидячих, частью – лежачих, для чего в автобусе сняли половину сидений. Наборчик тот еще: падение с высоты, переломы, кишечная непроходимость и в том же духе. И огнестрел тоже есть – аж четверо, причем у всех – с повреждением костей...

Мда, с хорошим хвостом мы припремся в больницу...

Ну, да делать нечего.

С нами отправляются броневичок и автобус.

Катим дальше.

– Я одного понять не могу, – нарушает молчание Семен Семеныч.

– Чего?

– На фига сейчас ерундой заниматься: раненых, больных куча, а тут семинар, лекции...

Ерунда какая-то!

– Все нет. Самое время для обмена информацией. Если б еще и пораньше – лучше было бы. Медицина – это ж не математика. Тут все на опыте строится, а человек – существо сложное, поэтому подготовить врача, чтоб он все знал и все умел – невозможно. Отсюда куча специализаций. И сейчас, разумеется, – время медицины катастроф, полевой хирургии и полевой терапии. А это мало кто знает – в мирное-то время совсем не нужно было. Так что молодцы, что затеяли.

– А все равно – не понимаю.

– Ну, тогда – пример. Работала у нас в клинике молодая, красивая буфетчица. Не смейтесь, я понимаю, что обычно буфетчицы – низенькие и полные, а эта как раз наоборот. Очень красивая была – по всем статьям. Доброжелательная, общительная, но в моральном плане – скала.

Почему-то на работу она брала с собой своих сыновей. Вот ее старшенький и ухитрился, на кухне помогая, засунуть руку в новокупленную немецкую мясорубку. Немцы потом были в шоке: их агрегат был гарантирован от такого, но кисть, тем не менее, мальчишке смолело. От фирмы ему устроили поездку в Германию и протез сделали суперский: механика-электроника реагировала на сжатие остатков мышц, и пальцы протеза сжимались и разжимались, как настоящие. Одна беда: мальчик растет, значит, протез надо менять периодически.

Ну, вот как-то на эту тему мы с ней и общались – я-то по образованию педиатр, потом на взрослых перешел.

Немного позже узнал от нее, что муж страшно ревнивый, и потому ей приходилось детей на работу с собой по его настоянию таскать: он был уверен, что она не столько работает, сколько трахается с любовниками. Травму сына он тоже интерпретировал по-своему: дескать, она так подсурипила, чтоб сын не мешал трахаться с любовниками.

Меня это удивило. Спрашиваю осторожненько: а он в норме вообще-то, муж-то?

Нет, уже лежал в психушке. С бредом ревности. И пытался покончить с собой – в окно пытался выпрыгнуть, да она не дала. Я ей – мол, развестись бы вам. Она удивилась: по ее мнению, ревнует – значит, любит... Какая же любовь без ревности?

Ну, ладно. Дело к майским праздникам. Отмечаем, значит, это дело – сугубо после работы, – и она подошла посоветоваться: дескать, вот что ей делать. Муж совсем сам не свой, но просит ее не сдавать его опять в психушку. Почесали мы репы, да так и не решили, что сказать.

С одной стороны, лучше б этому Отелло – в психушку. С другой стороны, она его любит, жалеет, он – судя по дикой и дурной ревности – ее тоже обожает, дети опять же, праздники...

С тем и разошлись.

Я взял за свой счет несколько дней и поехал на «Вахту» – собирать останки наших бойцов. Возвращаюсь – мужики какие-то кислые. Спрашиваю их:

– Что случилось?

– Ну, ты на похороны ездил, и мы тоже.

– Что такое? Кто?

– Милу муж зарезал. При детях. А хоронить некому было – вот клиника и впряглась...

Я так и сел.

А через пару месяцев встретился со своей однокурсницей – хорошая девчонка, но вся в психологии и психиатрии, аж никакой личной жизни, хотя милая такая.

Спросил ее насчет этой ситуации.

А она очень удивилась.

– Это ж, говорит, азбука. Бред ревности – в типовом виде – именно таков. И сначала попытка самоубийства характерна, а в случае, если жив остается – ну, или жива, если пациента, – то обязательно постарается объект убить.

– То есть как Отелло?

– Именно. Отелло – четкая картина сумасшествия с бредом ревности. Хоть историю болезни пиши. Только вроде у него не было компоненты с самоубийством. Давно читала. Да вроде и там что-то такое он думал...

– Но она же себя вела очень сдержанно!

– А сумасшедшим это без разницы. Он был уверен, что жена неверна – и точка. Демону придушили тоже без разбирательств.

– Ну, а как тогда с тем, что без ревности не бывает любви?

– Чушь! Хороша любовь, когда при детях ножом кромсают насмерть...

Вот и судите, Семен Семеныч – как бы дело повернулось, если б я эту информацию имел, когда она перед Первомаем к нам подошла посоветоваться?

– Может, вы и правы... – задумчиво говорит шофер.

– Снимать панорамно – скорость снизить – мы на прицеле, – заявляет Саша, ведомый духом из «Длинного уха».

– Чей прицел?

– Тут вояки стояли – похоже, что они: вон, на пешеходном переходе явно пулеметное гнездо. Да и место вкусное – складская зона Парнас... тут все что угодно есть.

Снимаю, что вижу и на что показывают спутники.

Впрочем, нас не останавливают, едем беспрепятственно.

И оживленно здесь – совершенно неожиданно. За весь день мы и сотни машин с живыми не видели, а тут и грузовики, и БТРы, и люди. Видим, что со складов вывозят, кто во что горазд. Мертвяки угомоненно лежат на обочинах дорог, а таких, чтоб активно передвигались, не вижу. Да и упокоенных-то мало. Стрельба идет, но не суетливая, без перестрелки. И что непривычно – редковатая какая-то.

Несколько стрелковых гнезд на складских крышах.

Парные патрули.

Но, опять же, не чистые военные, а всякие разные люди. Ну, да последнее время и у военных самый разношерстный камуфляж был – что на складах залежалось, по принятии на вооружение юдашкинского милитари-гламура. Вот интересно: камуфлю какое он придумал? Не иначе, голубовато-розоватых тонов с бантиками и рюшечками...

– Саша, спроси Старшего – с этими военными контакт заводить будем?

Оказывается, не будем. Кронштадтские и сами тут отовариваются, и эта зона, в принципе, им более-менее известна. Союз не сложился, но некое взаимодействие имеет место быть.

И отлично: меньше раненых притащу на хвосте.

Спина затекла, задница – словно кто напинал кирзачом, голова тяжелая...

Скорее бы Кронштадт.

Да и тут вроде всякие военные уже есть, хоть немного – но есть. А вот крупных жилых кварталов – нет. Поселки – старые, деревенского типа и коттеджные – таких толп зомбаков не дают. Уже легче.

Дорога отличная, прямая, брошенные машины выкинуты прочь с полотна – в общем, все замечательно. Еще раз видим кучу гипермаркетов рядом у дороги. И тоже тут уже более-менее порядок.

Что удивляет – опять пара висельников на ветру сохнет. Мда, вот бы развернулись правозащитники. Те же «Гумын Рэтс Вотч». Последнее их резюме тронуло до слез: оказывается, арест Ходора – самое страшное нарушение человеческих прав...

Даже странно, что когда в Ичкерии в начале 90-х – как всегда, когда государство у нас слабеет – brave ичкерийцы устроили русскоязычным резню со своими национальными прибаутками, ни одна вша из этих правозащечников не пукнула даже на тему резни, этнической чистки и геноцида этих самых русскоязычных (так и вертится на языке «русскоязычные членистоногие»). Зато когда туда сунули недомордованную еще, к счастью, армию (несмотря на все уверения либералов таки оказавшуюся нужной) – вот тогда вой с лаем был до небес...

После этого у меня лично к правозащитникам – сугубое отношение...

Немного интересно: что ж эти линчеванные такое устроили, что их подвесили сушиться? Хотя, какая разница...

Уже на автомате снимаю и этот узел снабжения.

Наверное, мы уже вышли на финишную прямую. Движение тут достаточно оживленное. Правда, несутся все как оглашенные – что туда, что оттуда. Мы же сохраняем величавый неспешный темп. Ну да наши в простреленных УАЗах небось замерзли уже до синих носов.

– Стоп, колонна, – неожиданно командует Саша, репетуя ожившую рацию.

– Чт сл..? – надо же, а ведь задремал и аж слюни пустил, вот ведь стыдоба.

– Пока просто стоп. Сейчас уточнят.

Вывернув голову, вижу, что Николаич и Сергей подходят к краю дороги. Смотрят в бинокли. А подходили-то враскоряку – тоже устали уже.

Старшой подносит рацию ко рту и Саша тут же оживает:

– В поле, метрах в трехстах от дороги стоит БТР – видимо, брошенный. Грех не прибрать, если исправен.

– Каким составом идем?

– Всей группой плюс Семен Семеныч. Охранять остаются приданные и примазавшиеся. Камеру не забыть – мало ли что там... Чтб потом не заявили, что-де пристрелили экипаж и злостно исхитили ценную вещь.

Не было бабе печали – нашла баба в поле БТР...

И чего ему в поле стоять – ежели вещь хорошая, то с чего это ему стоять в поле...

Не трактор же...

Ветерок со снежком после теплой кабины вызывает какое-то судорожное зевание, от которого все тело дергается и глаза слезятся. Подходим к Николаичу. Вижу, что также идут Дима-опер с Вовкой-водилой. Из машин вылезло несколько человек – организуют охрану колонны.

Когда подхожу, Николаич в рацию уговаривает Надю не лезть с нами.

Строптивая медсестра в конце концов внимает доводам разума и остается.

Когда начинаем выбираться с дороги, на поле подбегает веснушчатый парнишка из БТР-конвоя.

- Командир сказал, что если что не так пойдет, ложитесь – мы из КПВТ врежем!
- Спасибо. А по нам, лежащим – не вцепитесь сторяча?
- Не, командир сам за пулемет встал.
- Ладно, учтем...

Здесь выбраться с кольцевой не проблема – город закончился, и потому кольцевая, как и положено нормальной дороге, лежит на земле, а не висит на высоте трехэтажного дома на столбах – колоннах...

– А вы обратили внимание, что снимали много шумозащитных экранов? Раньше – как в тоннеле едешь, а сейчас обзор открыт?

- Сектор обстрела чистили. Не иначе. Да и экраны эти – материал хороший.
- Для чего, интересно?
- Да для чего угодно – я бы на даче у себя легко нашел применение.

– Разговорчики отставить! И держитесь левее – не забывайте про тяжелый пулемет за спиной!

Вроде как наш строй называется «косой уступ», если не путаю. Во всяком случае, идем цепочкой, но не гуськом и не шеренгой – так получается, что у каждого сектора обстрела чистый. И я могу снимать не спины товарищей, а все тот же БТР.

– Ты комментируй, – подсказывает идущий рядом опер.

– А что комментировать – и так ясно.

– Это тебе сейчас ясно, а когда будут смотреть посторонние, да через месяц – ни черта ясно не будет.

– И что мне комментировать?

– Да все подряд! Время действия, место, состав группы, цель визита к БТР, сам БТР – вид камуфляжа, бортовой номер, повреждения и так далее – включая, куда он смотрит рылом и куда повернулся задом.

– Ну, кому это все нужно?

– Если уж делаешь что – так делай хорошо. Все равно ж ты не стрелок сейчас!

Приходится бормотать все то, что опер предложил. Потихоньку втягиваюсь. Вообще-то я понимаю, что он прав: так делают при всякой видеозаписи с места событий грамотные люди. Положено так. А то потом смотришь такое видео с места событий – камера дрыгается, а снимающий верещит что-то среднее между «твоюжежмать!» и «божежмой!»

Чем ближе подходим, тем больше становится бронемашина. Наконец, ее грядообразный бок занимает все поле видоискателя. Соответственно, сообщаю видеокамере, что с левого бока БТР не имеет видимых повреждений, левый бок БТР покрашен равномерно зеленой краской, номеров и условных обозначений не имеет.

Скашиваю взгляд на опера – как он реагирует на подначку. Но у него физиономия совершенно невозмутима. Вспоминаю, как он себя вел при осмотре места происшествия несколько часов назад, и понимаю, что зря тратил порох, потому как он сам ровно так же описывал бы машину. Также отмечаю, что бортовой люк закрыт, открыт только люк сверху – то ли мехвода, то ли командира.

Окликает Николаич. Просит аккуратно обойти кругом агрегат. Остальные собрались в шеренгу с кормы машины. Оружие уже давно приготовлено к бою, и стрелки – как взведенные пружины.

Уже втянулся в это дело, потому без внутреннего сопротивления отмечаю, что и носовая часть, и правый борт также покрашены не в розовый или бирюзовый цвета, а как раз наоборот – все в тот же зеленый, что повреждений видимых не обнаруживаю и что корма выглядит соответственно левому и правому бортам. Десантный люк и с правой стороны закрыт. Ствол башен-

ного КПВТ задран почти вертикально. Что еще добавить – внешне выглядит совершенно нормально.

По той же окружности, соблюдая более-менее безопасное расстояние, возвращаюсь к мужикам.

Судя по всему, пока я ходил – тут уже распределили роли.

Поэтому снимаю, комментируя, что две пары стрелков взяли на прицел десантные люки по бокам машины (ну это-то и я понимаю: снаружи, скорее всего, у боевой машины люки хрен откроешь без специального ключа, да и у восьмидесятки боковые люки наполовину откидываются так, чтобы прикрыть десантников от огня спереди этаким щитом, а вторая половина – падает вниз и служит порогом – подножкой.) Трое лезут на крышу бронетранспортера. Николаич стучит по броне прикладом и громко орет:

– Эй! Есть кто живой внутри? Отзовись!

Продолжаю комментировать каждое телодвижение и поясняю камере, что старший группы только что стуком приклада по броне и голосом пытается войти в контакт с находящимися внутри БТР людьми... Ну, типа, вдруг мужики собрались на пикничок и сейчас там квасят, а мы помешаем...

После этого Серега ложится на броню и прикладывает к стылому железу ухо.

Пожимает плечами, насколько это возможно в такой ситуации.

Опять слушает.

Встает.

Вся троица аккуратно держит на прицеле люки – и открытый, и закрытый впереди, и десантные верхние. Николаич что-то говорит Семен Семенычу. Тот забирает с брони лопату. Что-то делают там с лопатой – не вижу.

– Люки закрыты, так они сейчас их предохраняют от того, чтоб кто изнутри вдруг не распахнул на полный мах, – поясняет стоящий рядом Вовка.

Трое наверху продвигаются к башенке. Стопорятся.

– Ага, сейчас надо в люк смотреть, а черт его знает, что оттуда выскочить может, – поясняет Вовка.

– Володь, подгони-ка сюда ментовский УАЗ! – кричит сверху Николаич.

Мой сосед шустро припускает в сторону дороги. Пока он не подъехал, Старшой еще несколько раз кричит свою текстовку, а Серега слушает, прижимаясь ухом к железу... Практически одновременно с подъехавшим УАЗом Серега уверенно говорит:

– Внутри есть шевеление! Шуршит кто-то.

Вовка подпирает задом УАЗа левый бортовой десантный люк. Теперь его не распахнешь.

Вылезает из машины. По указанию Николаича группа перестраивается.

– Володь, загляни в лобовое – посвети фонариком! Если кто в люк прыгнет – скатывайся на землю и под прикрытие носа. Остальным внимание!

Подбираюсь поближе. Наш универсальный водитель вскарабкивается на БТР спереди и, подсвечивая себе фонариком, заглядывает через ветровые стекла в салон БТР – благо, бронезаслонки подняты в походное положение.

– Фонарик слабый. Не видно ни хрена!

– Что, и водительское место не видно?

– Водительское пустое. На стекле есть брызги чего-то, похожего на засохшую кровь.

Стоящий слева от Николаича Саша вынимает из кармана свой фонарик, но Николаич мотает головой. Тогда Саша вытягивает откуда-то с правого борта двуручную пилу, вешает на ручку пилы фонарик и аккуратно начинает опускать в открытый люк эту конструкцию.

– Сека!! – орет Вовка, скатываясь с брони, – Идет!!!

Саша одновременно дергает пилу из люка, и пока пила, взблескивая фонариком и певуче звеня, брякается на крышу, перехватывает со спины короткую помповушку из еще тех – старых магазинных запасов.

Практически в это же время в люк высовывается что-то похожее на большую грушу и получает в эту самую грушу со всех сторон из всех стволов, аж ошметья летят.

Груша моментально скрывается в люке.

Но я уверен, что по ней попали все, кто стрелял. А еще мне показалось, что это была странная, карикатурная, но определенно человеческая голова. Помнится, так французские ехидные карикатуристы изображали своего короля – Луи Филиппа. Вроде как и не король, но всем ясно, что такое груша в карикатуре...

Саша тем временем снова подбирает свою пилу. Фонарик опять в люке.

– Ну, что там у вас? – кричит из-под БТР Вовка.

– Неясно. Обстреляли – были попадания. Но смотреть все равно надо, Володя. Глянь еще раз, аккуратно.

Вовка сторожко лезет к лобовым стеклам.

Прикладывается.

– А завоняло ацетоном, – замечает он со своего наблюдательного пункта.

– Это-то и сами чуем. Ты что там видишь?

– Лежит какая-то туша на командирском кресле. Большая!

– На что похожа?

– Да пес ее знает. Саша, доверни пилу градусов на тридцать! Не так, наоборот!

– Что наблюдаешь?

– Еще доверни! Ниже! Стоп! Вот так держи!

– Не томи! Что там?

– Тетеха толстенная! Мертвая! Башка разбита в хлам. Зараза, она же всю сидушку изгадит!

– Еще что?

– Не пойму. Но вроде как больше там никого.

– Саша, дай-ка доворот – посвети в глубину.

– Чисто! Она одна тут была!

Дальше возникает небольшая заминка. Подхожу ближе и слышу, как опер говорит Николаичу:

– Эх, жаль, реального патсана потеряли. Так бы он тут был к месту!

И слышу, как в ответ Старшой заявляет:

– Так я и пустил бы эту тупую обезьяну к пулеметам!

Понимаю, что кому-то надо лезть внутрь. Ясно, что это не очень охота делать, но придется.

Лезет сам Николаич. Через минуту из недр БТР гулко раздается:

– Там, наверху! Разблокируйте люки!

Вовка отгоняет на пару метров УАЗ, Семен, пыхтя, выдергивает лопату.

Люки один за другим начинают распахиваться.

– Доктор, давайте сюда с камерой!

Иду, прикидывая, что надо делать, чтоб снимать в темном салоне.

Внутри не так уж и темно: серый пасмурный денек дает достаточно света, чтобы через открытые люки сделать хоть и темноватую, но внятную съемку. Воняет около машины изрядно – и ацетоном, и мертвечиной, и особым запахом подгнившей крови...

Я никогда раньше не заглядывал внутрь бронетехники, и разобраться сразу в скопище всяких прибабасов и причандалов достаточно трудно. Почему-то сразу заметны какие-то коричневатые мешки: один свисает сверху, из башенки, да еще такой же – на спинке водитель-

ского сидения. Понимаю, что оно водительское, по тому, что там автомобильный руль и приборная доска.

Зато глаз ухватывает то, что мне привычнее видеть – размашистые потеки бурой, засохшей уже несколько дней тому назад крови на покрашенных белой краской стенках, рваный мужской полуботинок, драные цветастые тряпки в подсохшем кровавом киселе, покрывающем пол БТР (Николаич как раз тоскливо смотрит на подошву своего берца, только что выдернутую из этого киселя с ясно слышимым хлопом), какие-то ярко-белые осколки костей и, конечно же, здоровенную желтовато-синюшную тушу впереди – там, где сидения водителя и командира.

– Погодите сюда пока лезть! Ботинки поберегите!

– А что делать?

– В УАЗе стопка полиэтиленовых пакетов из «Зеленой страны». Наденьте поверх!

А, точно как эрзац-бахилы.

– Дима, тащи веревку! Потолще! Доктор – несколько мешков сюда и камеру отдайте кому-нибудь. Саша, умеешь снимать?

– Умею, чего тут хитрого.

– Возьми камеру и продолжай съемку!

– Для чего мешки? – не пойму я.

– Покойницу выволакивать будем. А мешки – чтоб с головы не текло на сидушки, когда потянем.

Понятно. Хотя по габаритам покойная килограммов на двести тянет, не меньше. Ну да УАЗом дернуть – лишь бы в люк бортовой пролезла. Если не пролезет – будет хуже, ну да в БТР и так уже все загажено.

Шурша своими бахилами, аккуратно лезу вперед. Да, голову раскроили залпом изрядно. Хорошо, догадался перчатки хозяйственные натянуть, и теперь, стараясь не слишком изматываться, подбираю в пакет перепутанные лоскуты кожи, куски костей и мышц в пакет.

Череп, разнесенный почти вдрызг, и впрямь втрое, если не больше, уступает могучим челюстям. Челюсти в пакет запихнуть удастся с трудом. Зубки мелкие, треугольные, мутно-белого цвета, очень непривычные на вид. И их действительно очень много.

Вот поэтому груша и получилась. Вижу свисающее вбок маленькое, явно женское ухо с сережкой. Если бы этот упокоенный кадавр улыбнулся, то улыбнулся так широко, что мочки ушей попали бы в рот с серьгами вместе...

– Готово! Замотал голову!

– Принимай веревку! За щиколотку возьми!

Легко сказать: щиколотку-то сразу и не найдешь – стопа изменилась весьма сильно и стала похожа на собачью.

– Погодите, я сам узел завяжу. (Николаич возмущенно пыхтит, распуская мой дурацкий бантик и завязывая узел какого-то хитрого типа, что в грубых перчатках из черной резины делать непросто.)

Конец веревки там, снаружи, уже привязали к УАЗу.

– Володя! Давай помалу! Доктор – сдвиньте в сторону сиденье стрелка, – тыкает пальцем Старшой в приделанное к штанге из башенки простенькое металлическое креслице.

Складчатая рыхлая туша, похожая чем-то на моржовую, но раскрашенная в мерзкие цвета разложения с черноватым сетчатым венозным рисунком, медленно скользит к выходу, сгребая собой с пола кровавое желе.

– Я, конечно, извиняюсь – но оно стоит того? – спрашиваю Николаича. – Вонючка же здесь будет невиданная? Как бы мы машину ни мыли, все равно вонять будет, а летом – ЕБЖ, как говорит наш сапер – тем более.

– Вонючку потерпим. Летом, тем более, вонять будет везде. А новенький БТР с бортовым оружием и полным боекомплектом сейчас бесценен. Ничего, помоем. Он нам не на танцульки ездить нужен.

– Ясно. Просто у меня приятель купил, было дело, по дешевке джип, в котором четыре рыбака угорели – ну, и просидели внутри с декабря по май. Так даже полная смена всего не железного ничего не дала. Стальной остов – и тот шмонил нестерпимо. И мытье тоже ничего не дало.

– Я в курсе. Но повторяюсь: потерпим. Зато эту броню винтовочная пуля не берет. И пройдет этот агрегат везде... И проплывет. Что еще лучше. Семен Семеныч, лопату давайте!

Морф так застревает боками в проеме. Действуя лопатой, как рычагом, Семен Семеныч вместе с Вовкой потихоньку-полегоньку, но выдергивают труп из БТР. После этого УАЗ отгаскивает тело в сторону метров на тридцать. Мне приходится идти к нему, пока Саша снимает, что это мы такое упокоили. Остается отснять челюсти – рву мешки на голове кадавра, прутиком приподнимаю то, что было губами.

Все, вроде бы дело закончено. Можно ехать.

– А ты заметил, что на этой зувемби были стринги? – спрашивает меня Саша.

А ведь и точно: грязный шнурок и треугольнички пропитанной кровью ткани – точно, стринги. Больше на теле нет никакой одежды.

– И смотри-ка – она коленками назад, как Семен Семеныч про кузнечиков пел.

– Это не коленка. Коленка – вон, выше. Это у нее так ступни изменились. Наше крутое счастье, что она разожралась в замкнутом объеме, и ее габариты не дали ей из люка выбраться. Она кинулась – и плечами застряла. А если бы проскочила и плечами, застряла бы брюхом – в животе она тоже плечиста.

– А давно она обратилась?

– Судя по гнилостным изменениям, четыре – шесть дней назад.

– И почему делаешь такой вывод?

– Потемнение поверхностных вен, видишь – похожи на веточки черного цвета, просвечивают через кожу. Ткани приобрели зеленоватый оттенок, отчетливо наблюдается их вздутие, особенно лица, груди у нее тоже вздулись. А живот – еще нет. Так что минимум – дня три, максимум – дней шесть уже. Учитывая холодную погоду, скорее дней шесть.

– Вы там закончили?

– Закончили.

– Тогда поехали!

За руль свежеполученного бронника садится Володька – ездил он на таких. Люки он не закрывает. Николаич хочет возразить, но воздерживается. «Найденыш» становится за первым УАЗом, и мы трогаемся дальше.

Семен Семеныч вертит подозрительно носом – хоть я и оставил перчатки и бахилы в поле, пахнет от нас с Сашей ощутимо.

– Что, одежду выкидывать придется? – спрашиваю нашего драйвера.

– Ерунда, выветрится все отлично. А не выветрится – так закопаем.

– Не по чину одежду-то хоронить – выкинем где по дороге, и все.

– Не хоронить – просто закопать на пару дней. Земля отлично запах берет на себя.

– Это вы откуда знаете?

– Бабушка рассказывала. Во время войны носить-то нечего было. Так у них один инвалид что делал: как фронт от деревни ушел, так он одежду с мертвецов собирал, обувь тоже; детишки одежду и обувь, с покойников снятые, прикапывали, бабы потом стирали-сушили и продавали это на станции, сами-то не носили, а на той же станции покупали себе одежду.

– Так, наверное, и покупали тоже с мертвяков?

– Может, и так. Но когда сам не видал – так и ничего.

– А почему инвалид одежду собирал?

– Он с фронта пришел, а там сапером был. Кроме него, по лесам там шляться дурных не было: пацаны сунулись пару раз, так кишки на деревьях оказались – фронт-то через деревню туда-обратно несколько раз катался, все вокруг в минах было. И ставились мины не на несмышленных мальчишек, а на грамотных мужиков, так что пацанята вляпывались только так...

– А с инвалидом что потом было?

– Умер лет через пять. Он же не просто так инвалидом стал – его ж порвало железом страшно. Руки-ноги вроде и остались, а весь ливер дырявый. После войны таких калек много было, так они лет десять, самое большее, жили. Всей деревней хоронили – если б не он, нищета была бы дикая. А он и не только одежду таскал – после войны в лесу много добра было, – заканчивает рассказ Семен Семеныч.

– Ясненько.

– А что там в БТР-то случилось?

– Черт его знает. Только похоже, что водитель из машины все же выскочил и мотор заглушил, иначе хрен бы мы на ней сегодня поехали. А так и соляра есть, и аккумулятор живой. Начнем чистить – понятно будет. Но одно понятно, что кости этот морф своими челюстями дробил в легкую – причем и такие, как бедренная. Так что челюсти-то не слабее, чем у гиены, а то и посильнее будут.

– Мда. Обратное повезло.

– А что там сзади, Семен Семеныч, никаких сидений не было. Где же десант-то сидит?

– Что, такие сплошные полаты, что ли, были?

– Ага. Не сиденья.

– Так это сиденья, только разложенные в спальные места. В БТР и спать можно. Сиденья разложил – и дрыхни.

– Значит, лежачих везли?

– Скорее всего.

Тащимся по лесу – деревья с обеих сторон дороги. Спрашиваю Сашу, сообщили ли в Кронштадт, что везем еще кучу больных и раненых? Оказывается – да, уже успели. Жмурюсь, представляя глубокую благодарность за такой мой ответ на приглашение посетить первый с момента катастрофы медицинский семинар.

Неожиданно над дорогой довольно низко пролетает маленький, словно игрушечный самолет.

– Кронштадтский?

– Нет, тут оба аэродрома удержали – и Левашево, и Горскую.

– Лихо!

– Да ничего особенно лихого: какие-никакие, а вооруженные силы тут были, а вот населения мало. Рота в масштабе такого города, как Питер, – не величина. А вот для Левашево – вполне себе сила. Пустынных мест тут много. Мы вот только что проехали мимо Северного кладбища, так по нынешним временам это самое спокойное место, а с другой стороны – не менее здоровенная Северная свалка. Неоткуда тут толпам зомби браться.

– Ну и соседство!

– Так и на юге ровно то же самое: и кладбище, и свалка рядом – через дорогу буквально.

Жужжит «Длинное ухо». Старшой просит принять влево и собраться тем, кто находился рядом с бронетранспортером и стрелял по морфу. Останавливаемся, вылезаем. Николаич настоятельно рекомендует всем, принимавшим участие в охоте на морфа, воздержаться по прибытии в Кронштадт от рассказов, что морф просто и банально не мог выбраться из своей консервной банки. Стоит рассказывать, как и было: отлично скоординированная система взаимодействия и высокая боеготовность остановили атаку морфа в самом начале. И точка. Можем продолжать движение. Залезаем в машины, трогаемся.

Ну, это понятно. В итоге команда отбила броневик в честном бою с нехилых размеров и кондиций морфом. Двести кило с зубами (а возможно, и побольше) – это и в Африке двести кило с зубами.

- Жук у вас Старшой, – ухмыляется Семен Семеныч.
- Не без этого, – соглашается Саша. – А что вы за песню хотели исполнить?
- Про Отелло?
- Ага.
- Что ж, извольте – да не завянут ваши уши:

Отелло, мавр венецианский
Один домишко посещал.
Шекспир узнал про это дело
И водевильчик написал.

Девчонку звали Дездемона,
Лицом – как полная луна.
На генеральские погоны,
Видать, позарилась она.

Он часто вел с ней разговоры,
Бедняжка-мать лишилась сна.
Он ей сулил золотые горы
И реки, полные вина.

Она сказала раз стыдливо,
И это было ей к лицу:
«Не поступай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу.»

Папаша – дож венецианский
Любил как следует пожрать.
Любил папаша сыр голландский
Московской водкой запивать.

Любил пропеть романс цыганский –
И компанейский парень был,
Однако дож венецианский
Ужасно мавров не любил.

А не любил он их за дело –
Ведь мавр на дьявола похож.
И предложение Отелло
Ему как в сердце острый нож.

Был у Отелло подчиненный,
По кличке Яшка-лейтенант,
Ужасный мавров ненавистник,
К тому же плут и интригант.

У Дездемоны спер платок он,
А мавр, конечно, жаден был.
Не говоря дурного слова,
Жену он тут же придушил.

Вот то-то, девки молодые,
Смотрите дальше носа вы
И никому не доверяйте
Свои платочки носовы.

- Бис. Bravo, бис, – вежливо говорит Саша и тихо хлопает в ладоши. Присоединяюсь.
– Вот если Валерка оклемается – мы вам еще споем дуэтом. Как, Доктор, есть у Валерки такой шанс?
– Возможно. Недалеко ходить – Кутузову в голову дважды пули попадали, и вполне себе выжил и ума не растерял. А вы бы нам в команде здорово пригодились.
– Я понимаю. Но тут такое дело...
– Мы помним, – отвечает Саша. – Пока – «раб лампы».
– Вот именно. Вот байку мне одессит-дальнобойщик рассказал:
По длинной, дикой, утомительной дороге шел человек с собакой.
Шел он себе, шел, устал, собака тоже устала.
Вдруг перед ним – оазис! Прекрасные ворота, за оградой дворец, музыка, цветы, журчание ручья – словом, отдых.
– Что это такое? – спросил путешественник у привратника.
– Это рай, ты уже умер, и теперь можешь войти и отдохнуть по-настоящему.
– А есть там вода?
– Сколько угодно: чистые фонтаны, прохладные бассейны...
– А поесть дадут?
– Все, что захочешь.
– Но со мной собака.
– Сожалею, с собаками нельзя. Ее придется оставить здесь, за воротами.
И тогда путешественник пошел мимо.
Через некоторое время дорога привела его на ферму. У ворот тоже сидел привратник.
– Я хочу пить – попросил путешественник.
– Заходи, во дворе есть колодец.
– А моя собака?
– Возле колодца увидишь поилку.
– А поесть?
– Могу угостить тебя ужином.
– А собаке?
– Найдется косточка.
– А что это за место?
– Это рай.
– Как так? Привратник у дворца неподалеку сказал мне, что рай – там.
– Врет он все. Там ад.
– Как же вы, в раю, это терпите?
– Это нам очень полезно. До рая доходят только те, кто не бросает своих друзей.
Некоторое время перевариваем. Наконец, Саша спрашивает:
– А это про собак или вообще?
– Я так думаю – вообще. Про друзей.

– Ну, а я думаю, что нынче далеко не все собаки – друзья.
– А некоторые друзья – собаки.
– Интересно, «собака» – это оскорбление или похвала?
– Дык это то же, что разбираться в том – незваный гость хуже татарина или все же политкорректно – лучше татарина? – деликатно подводит черту Семен Семеныч.
– Ит ыз зэ квесчен! – сверкает познанием английского Саша.
– Вы меня поймите верно... – начинает опять объяснять Семен Семеныч.
– Понимаем. Пока ваш сын и друг лечатся в больнице – вы всей душой там. Но будем вам рады.

– Спасибо. Мне и самому бы интересно с вашей ордой поездить. Как мы сегодня вляпались глупо днем... Ваш-то жучище, небось, так не влетел бы...

– Кто знает. Но вообще он из тех, кто режет после семи отмерок.

– Я уже заметил. Ну, считай, тьфу-тьфу-тьфу – уже и прибыли почти.

Нас останавливают на весьма грамотно сделанном – и прилично укрепленном блокпосту. Рядом заправка, тут же стоит пара похожих на нашего найденыша бронетранспортеров, но закамуфлированных и с бортовыми номерами, армейские грузовики и – чуток поодаль – три матальги с пулеметами в башнях. Упокоенных не видно, правда, неподалеку фырчит бодро работающий экскаватор – то ли ров роет, то ли братскую могилу.

Лейтенант подходит с вопросом, где старший колонны.

Николаич уже рядом.

Словно и не было всего этого кошмара, спокойные вопросы: состав колонны, цель прибытия, груз, наличие укушенных.

Оказывается, мореманы сообщили о колонне разведки из двух УАЗов и джипа Чероки, но у нас колонна несколько разбухла, пока добирались. К лейтенанту подходят и сопровождающие.

Некоторое время идет разбирательство: кто, чего и зачем.

Слышу, что лейтенант спрашивает о профессиях следующих с нами беженцев. Отмечаю, что Николаич бодро рапортует о театральных критиках, но умалчивает о ветеринаре. Лейтенант морщится и дает добро на проезд. Я-то уж думал, что нам еще десяток больных привинтят. Но тут, видимо, вояки и сами с усами или просто отправляют своих заболевших в Кронштадт. Хотя здесь были лечебные учреждения, но, в основном, санатории.

Катимся уже по дамбе. Поглядывая на стоящие по сторонам форты и батареи – островки с краснокирпичными сооружениями.

Первый серьезный блокпост моряков – на довольно крупном острове. Опять же, пара БТР-70 и, несколько неожиданно, – грузовики с зенитками в кузовах. Зенитные автоматы малого калибра – 23 мм, но я могу себе представить, как могут врезать такие установки. Впору поежиться. Клешники обустроились с удобствами, натащив и бетонных блоков, и вагончиков для житья, причем и вагончики эти сами по себе установлены так, что создают внятное укрепление.

Опять те же вопросы. Тут санинструктор досматривает раненых и больных. Приходится вылезти и ходить вместе с ним.

Получаем добро на проезд от щеголеватого каплея. При этом замечаю, что писарюга старательно вколачивает фамилии и инициалы прибывших в допотопный, но ноутбук. Совсем как в те времена, когда въезд сюда был только по пропускам.

Наконец – город. Уф!

С того раза, как мы тут работали, многое изменилось: там, где мы едем – ни одного зомби. Зато патрули попадают часто, причем и морские, и сухопутчики, и состоящие из гражданских. Народу на улицах заметно больше, причем много и вооруженных. Замечаю, что у многих – как раз маломощные, но удобные в городе пистолеты-пулеметы.

Вот теперь я вижу, что город устоял.

УАЗ с Николаичем обгоняет и теперь ведет колонну.

На ближайшем перекрестке останавливает регулировщик комендантской службы.

Связывается с блокпостом, потом пропускает нас дальше, предупредив, что беженцы должны зарегистрироваться в комендатуре не позднее полудня следующего дня... Тут уже карточки получать надо... Остальные приписываются к больнице – соответственно, и питаться там будут. Подозрительно оглядывает распахнутый настежь БТР, но вопросов не задает.

Вид больницы не изменился, но уже у входа не дежурит дядечка в грузовике с кунгом – вместо него стоит пара десятков разношерстных автомобилей. Ну да, серьезный кворум. Явно начальство.

Встаем рядом, сразу образовав хаотичный беспорядок. То еще зрелище: неряшливо задекорированные сетками УАЗы, рядом шикарный Чероки с единственной, словно нарочитой пулевой дыркой в боковом стекле, тут же скромные машинки беженцев, забитые всяким добром под крыши, расхристанный БТР на фоне фуры, из-за которой высовывается инкассаторский броневичок, автобус – ну, в общем, воскресная ярмарка металлолома...

Отправляюсь в больницу – доложить о прибытии и получить ЦУ.

Вместо теток с автоматами – вполне такой грамотный парный патруль. Правда, старший патруля – скорее всего, уже отставник, а вот второй – пожалуй, что десятиклассник. Но стоят грамотно, прикрывая друг друга и не мешая при этом. Даже повязки какие-то на руках – не привычные красные с белой надписью «патруль», а что-то военно-морское.

Неожиданно для себя рапортую о прибытии как-то чересчур по-военному. Надо с этого съезжать, а то, глядишь, привыкну.

Старший патруля смотрит в своих бумажках, кивает головой. Уточняю, что делать с ранеными. Оказывается, надо зайти к заведующей приемным отделением, оповестить ее, потом забрать кого из хирургов для выборочной сортировки, а главврачу передать списки раненых и больных с положенными данными и диагнозами. Так что мне аккуратно – в актовом зале, перерыв будет через 15 минут.

Выкатываюсь на улицу. У седого медбрата бумаги по раненым в порядке и написано все четким печатным военно-писарским почерком. Заглядевание. Даже указано, какое лечение проводилось. А вот у тех, кого подобрали первыми – бурелом после шторма. Единого списка нет, какие-то записульки, накорябанные разными почерками, да еще и почерка-то медицинские, словно для прокурора написанные – чтобы в случае чего неприятного можно было прочитать «левая рука» как «правая нога».

Озадачиваю санитару составлением единого списка по образцу. Чешет в репе. Потом лезет в автобус писать.

Ко мне подходит ветеринар Бистрем. Оказывается, очень хочет послушать то, что будет говориться на семинаре. Ну, вроде как по нынешним временам – почти коллега, благо педиатров всегда с ветеринарами ехидно сравнивали: у тех и других пациенты не могут толком отвечать на вопросы.

Проходим мимо БТР – из люка высовывается опухшая морда страдальца. Смотрит очень красноречиво.

– Помню я, сейчас уточню, где стоматология работает, – киваю ему головой.

Когда уже захожу в двери, догоняет Николаич вместе с седым медбратом.

Патрульные выслушивают, кто откуда и пропускают. Оказывается, действительно указано: всех медиков – пропускать. Николаич и Бистрем таким образом и просачиваются, под мое поручительство. Как два медбрата.

Некоторое время теряем в фойе – там сидит дракон в виде бабки-санитарки. Известно, самые свирепые люди – это уборщицы и гардеробщицы. Тут она выполняет обе роли. Выполняет как часовой – строго, с достоинством и честью. Мало того, что мы, как положено, остав-

ляем верхнюю одежду – так и башмаки туда же. Взамен нам выдают новехонькие, идиотских расцветок резиновые шлепанцы пляжного типа и застиранные, но чистые халаты...

Мда, сурово. Но справедливо: сейчас бахил на всех не напасешься, да и грязь в клинике совсем ни к чему. И опять же, каждый посетитель тут же встает на положенную ему полку.

Понимаю это, когда из актового зала нам навстречу выкатывается комендант Кронштадта каперанг Змиев собственной персоной, в компании еще нескольких офицеров, у которых из-под халатов выглядывает форма. Ясно: перерыв, люди поползли ноги размять и покурить. Так вот, на разминаемых ногах у всех, включая Змиева, эти резиновые шлепки, отчего гости явно чувствуют себя не в своей тарелке. Николаич подходит к каперангу, докладывает о прибытии, но делает это с легкой, почти неуловимой глазу развальцей, чуточку небрежно – с дерзинкой, как себя обычно ведут представители привилегированных военных специальностей – те же десантеры, например, то есть формально – все как положено, но с нюансами...

Змиев это замечает, но спускает на тормозах, разве что бровью повел.

Предлагает дать самые важные для упоминания данные, рапорт о результатах – представить в штаб через час после окончания семинара начальнику разведки. У него же оставить и видеоматериалы.

Николаич вкратце говорит о каннибалах, о Молосковицах и двух аэродромах. Попутно замечает о фуре с бананами и вроде как не охваченных ничьим вниманием магазинах в районе Таллинского.

Змиев кивает. Поворачивается к стоящему рядом офицеру – распоряжается насчет фуры. Потом смотрит на меня – я не успеваю отвести глаза и слишком поздно меняю улыбочку на постную физиономию:

– Я уже распорядился о доставке сюда достойной сменной обуви. Так что еще раз вы меня таким клоуном не увидите.

И уже снова к Николаичу обращаясь:

– Напоследок хотел бы, чтобы вы разъяснили одну непонятность.

– Слушаю вас.

– Судя по отчету похоронных команд, собиравших тела с маршрута следования ваших машин-ловушек, получается цифра около указанных вами в рапорте 6000 человек.

– Не вижу ничего необъяснимого – мы рапорт не из пальца высосали. Сколько упокоили – столько и указали. А именно, 5889.

– Это и удивляет. Я был уверен, что вы взяли цифру с изрядным походом.

– Нет, все подсчитывалось.

– Как?

– Очень просто: в основном, наши стрелки не мажут. Нет такой привычки. Самая слабая подготовка была у медика. Тем более, он все первое время срывался на очереди. Потому посчитали, сколько он выпустил патронов, исходя из известного числа отработанных магазинов, и поделили пополам. У остальных еще проще вышло: при каждом промахе патрон из кармана кидался стрелком в ватник посреди кузова. Снаряжающий этими патронами тоже набил рожки – соответственно, из числа отстрелянных патронов было вычтено то количество, которое оказалось на ватниках. Его посчитать тоже было несложно: набитые рожки на ватниках плюс там же немного россыпи. Записывали и прикидывали во время остановок.

– Ловко...

– Погрешность имела место, разумеется, но незначительная.

– Спасибо. Ловко придумано.

– Старались...

– Хорошо, еще поговорим по результатам разведки. Располагайтесь, тут полезные вещи рассказывают.

Покидаю своих спутников – надо раненых пристроить. Нахожу Главную. Сообщаю, что привез еще 27 больных и раненых. Особо отмечаю, что выбора у меня не было. Воспринимается это без восторга, но в то же время достаточно спокойно. После пары минут к раненым уже идет один из хирургов, инфекционистка и зав. приемным отделением. Мне сообщается, что в конце дадут слово, потому надо подготовить сообщение о виденном сегодня минут на десять – коллегам любопытно узнать об окружающей ситуации, а тут свежие новости. Успеваю попросить хирурга спровадить командира БТР к зубодерам, если таковые есть. Хирург кивает головой.

Бренчит колокольчик – перерыв закончился, поток втягивается обратно. Оказывается, что кроме медиков тут же и военных полно. Не только Змиев с окружением.

И вроде как не только кронштадтские. Замечаю знакомые физики – мой братец и парни из МЧС, пробираюсь к ним.

– Много пропустил?

– Считаю, половину.

– Досадно. О чем была речь?

– Мужик по медицине катастроф толковал. Но у него с собой брошюры есть, так что можно будет потом получить, я договорился. И записал кое-что, так что не страшно.

Хирург напомнил про правила сортировки – толковый мужик, с боевым опытом – так что все, так как должно, с примерами.

– А что осталось?

– Про патологию катастроф сейчас, потом про биохимию зомби немного – что-то у этой, из лаборатории, интересное было, – ну и напоследок – всякое разное.

Выступающий, крепкий мужичок с рукой на перевязи, начинает рассказывать о массовых нарушениях здоровья населения при катастрофах. Сразу оговаривается, что речь ведется в общем – о различных катастрофических ситуациях, каковые были раньше; разумеется, такого, что произошло сейчас, никто и представить себе не мог, но тем не менее, как показывает опыт, принципиально по воздействию на население катастрофы не отличаются.

Первым делом рассказывает о психогениях – получается, что 80 % людей в ситуации катастрофы страдает от острого реактивного состояния, что резко ухудшает и без того сложную обстановку, а то, что 10 % из них доходят до острого реактивного психоза – усугубляет и еще больше. При этом, разумеется, благие пожелания помещать таковых в специально оборудованные психоизоляторы или хотя бы привязывать к носилкам остаются невыполнимыми.

Второе при катастрофах – механические повреждения. Таких в разных ситуациях набирается до 20–25 %. При этом они нуждаются в оказании первой медицинской помощи, а до четверти из них – и в первой врачебной. Это – при уже указанном выше количестве людей с острыми реактивными состояниями – становится весьма трудновыполнимым.

Третье – термические повреждения. В зависимости от ситуации и времени года, они могут быть самыми различными видами повреждений – от ожогов до ознобления и обморожения.

Четвертое – возможно и радиационное поражение. В нашем случае, к счастью, ЛАЭС сумела удержаться. Ситуация там стабильна и в целом пока этот вид поражения для нас не является актуальным. Тем не менее, забывать о нем не стоит – есть достаточное количество объектов, где таковое возможно.

Пятое – токсические. Источники могут быть самыми разными – от холодильных предприятий, использующих аммиак, до химических производств – тот же хлор, например. Также возможно поражение токсического характера и дымом, угарным газом и так далее.

Шестая проблема, широко представленная в случае крупной катастрофы – обострение хронических болезней. Причем, как правило, это начинается со вторых суток – в первые сутки

такого вала острой терапевтической патологии нет, но со вторых суток и далее оно проявляется у 40–45 % оставшегося в живых населения.

Седьмое – после вторых суток с постоянным нарастанием увеличивается количество инфекционных заболеваний – как желудочно-кишечных, так и респираторных. Разумеется, это требует немедленных и четких действий – в первую очередь, по изоляции таких больных не только от здоровых (с учетом уже страдающих от обострения хронических заболеваний в данном случае термин «здоровых», как вы понимаете, означает «не болеющих еще инфекционными заболеваниями»), но и во избежание микст-инфицирования. То есть требуется отдельно содержать больных с ЖКИ и отдельно – с респираторными инфекциями, мало того – перевязочные для них тоже должны быть разными и, разумеется, очень важно соблюдать санэпидрежим и проводить дезинфекцию.

Восьмое – в первую неделю наблюдается большое количество преждевременных родов и выкидышей, в связи с чем беременным надо уделять особое внимание.

Девятое и последнее – после четырех дней начинается всплеск анаэробной инфекции с максимумом на 6-й день. Это связано со сроками инкубационного периода данных возбудителей.

Есть ли вопросы?

Вопросы есть – несколько человек поднимают руки. Лектор тычет пальцем.

– Скажите, почему у нас достаточно много больных с ОЖКИ, но практически нет с респираторными? Банальных насморков нет, не то что ОРВИ.

– Возможно, это связано с тем, что у вас лучше поставлена профилактика ОРВИ?

– Нет, это у всех так.

– Тогда пока не могу вам сказать. Могу заметить, что у меня тоже прошел насморк не за неделю, а за день...

– Какие психогенные реакции, на ваш взгляд, стоит иметь в виду?

– Наиболее опасны экстрапунитивные – с немотивированной агрессией в отношении окружающих, интрапунитивные – с аутоагрессией (всплеск суицидов все отметили) и импунитивные – беспорядочное и бессмысленное бегство, в том числе и в сторону угрозы.

– То есть рост бандитизма и хулиганства – из-за реактивных состояний?

– Отчасти – да. Как было принято говорить, сейчас у молодежи «крыша едет». Но и, условно, играет свою роль и ослабление репрессивного государственного аппарата, вызванное катастрофой.

– Скажите, пожалуйста, а отсутствие реакции на речь у пациентов – у нас сейчас несколько таких – насколько обратимо?

– Вы, вероятно, говорите о пациентах с аффектогенным ступором? Безразличны к окружающему, взгляд в одну точку, редко моргают?

– Да.

– Пройдет в течение недели. Такое возможно и в случае фуниформных реакций, но там, наоборот, имеет место двигательная буря – совершенно бессмысленное бегство или такие же нелепые с точки зрения логики попытки спрятаться.

Доходит очередь до меня – встаю, представляюсь и спрашиваю:

– У нас был случай, когда боец открыл хаотический огонь с колокольни по совершенно посторонним людям. Если считать это случаем реактивного психоза, то почему он развился не в первый же день катастрофы?

– Я слышал про этот инцидент. Но здесь, как мне кажется, был скорее реактивный параноид или, как его еще называют, параноид языковой изоляции. Там ведь человек оказался в чуждой языковой среде, испытал дополнительный стресс, поэтому характерные для параноида убежденность в наличии врагов, бред преследования, галлюцинации и тревожно мнительные черты характера обусловили такую реакцию. А развивается параноид не так быстро.

– А что за дополнительный стресс вы имели в виду?

– То, что принято называть боевыми стрессовыми расстройствами или боевой усталостью – когда потрясение увиденным, получение ранее невозможных впечатлений, ощущение своей незащитности и повышенной уязвимости, наличие постоянной угрозы, да еще на фоне недосыпа и недоедания, несоответствие всего виденного этическим надстройкам и чувству долга превышают барьер психической адаптации.

– Так боевая усталость, значит, у всех нас есть?

– В той или иной степени – да. Безусловно.

– Ясно, спасибо...

Остается переварить информацию...

Сажусь. Братец пихает меня в бок и ехидничает:

– Вот война – а ты уставший!

– Да ну тебя...

Разговорчики в зале, достигшие уже заметного уровня шума, затихают, когда появляется наша Кабанова. По-моему, она еще пополнила. И мне кажется, что похорошела, хотя обычно беременные, наоборот, дурнеют. Очевидно, что докторша, поставившая в первые же сутки весьма простенькие эксперименты на грызунах, тут пользуется немалым авторитетом – другим это и в голову не пришло, а она таким образом мало того, что дала нам всем очень ценную информацию по наиболее важным нюансам в плане зомби, так еще и сейчас некробиологией занимается вовсю.

– Наша лаборатория пока не может похвастаться серьезным прорывом в понимании того, что же все-таки стряслось. Поэтому не буду писать вилами по воде и ограничусь той информацией, которая может быть полезной, – начинает Валентина Ивановна Кабанова.

– Проведенный эксперимент еще недостаточно информативен, но, судя даже по тем данным, которые нами получены, можно сделать первые выводы о причинах странной водобоязни зомби.

Утопленные лабораторные животные, обратившись, старались изо всех сил выбраться из воды. При этом отмечено, что у зомби мацерация кожных покровов проходит быстрее, чем обычно. Отслоение эпителия также протекает ускоренно. То же относится и к облысению – в норме не раньше чем через месяц, а в ходе эксперимента уже на третий день – полная потеря шерсти. Но самое интересное – гистологически обнаружено очень быстрое образование жировоска в организме находящихся в воде лабораторных животных. В обычных условиях жировоск образуется минимум через 3–4 недели. В наших экспериментах такое было заметно на третьи сутки. При комнатной температуре воды!

Объяснить причины столь раннего образования жировоска не представляется возможным. Но можно сказать точно: зомби крайне отрицательно относятся к этому. Не вполне понятно, как работает организм зомби, но жировоск, вероятно, обездвиживает их и ослабляет.

– То есть вы хотите сказать, что старый постулат: «гнилостные изменения при пребывании трупа в течение недели на воздухе будут такими же, как через две недели в воде и через восемь недель в земле» в данном случае не работает, и разложение идет в воде гораздо быстрее? – неожиданно басит сидящий рядом со мной братец.

– Не совсем так – речь идет не вполне о разложении. Во всяком случае, не в полном объеме этого процесса. Должна отметить, что биохимия зомби разительно отличается от привычного нам цикла Кребса. Пока можно уверенно сказать, что у зомби резко выраженный ацидоз, в связи с чем и ощущается резкий запах ацетона, но это пока и все, что можно сказать.

– Так что, зомби вообще боятся воды?

– Нет. Им не нравятся большие объемы воды. Водяная пыль или дождь совершенно их не пугают. А вот купаться и тем более жить в воде у них, скорее всего, не получится.

– Так значит, зомби можно распугивать водометами и пожарными машинами?

– Возможно, что и так, но здесь я некомпетентна.

Ну что ж – кратенько, но со вкусом. Значит, зомбокродилов у нас не будет. И мертвых боевых пловцов тоже. Это уже очень и очень неплохо. Упыри, лезущие из воды, для Петропавловки были бы сушим кошмаром. Да и для Кронштадта тоже, чего уж...

Следующим выходит усатый капитан второго ранга, судя по представлению – начальник разведки. Свет тушат, и офицер начинает отщелкивать слайды, показывая нам на экране всякую мерзопакость.

– Как всем присутствующим уже известно, обычные зомби (щелк, щелк, щелк – и на экране появляются почти в натуральную величину наши горожане, так и не переправленные Хароном через Стикс) – медленны, тупы, мало способны к координации действий. Передвигаются шагом.

Они же, употребив любую мясную пищу – и в более теплом климате – становятся гораздо активнее, могут передвигаться бегом, проявляют определенные начатки интеллекта и способны кооперироваться. Есть не до конца проверенная информация, что эти шустрики или шустеры, как их называют наши чистильщики, могут оценивать обстановку, прятаться, спастись бегством или нападать из засад. (Щелк, щелк, щелк, щелк – часть снимков смазаны, и видно, что запечатленные на них зомби бегут бегом).

Но это всем и так уже известно. Поэтому подробнее я остановлюсь на мутантах.

– Вы имели в виду морфов? – спрашивает врач с первого ряда.

– Да, их и так называют – метаморфами.

Офицер щелкает несколько раз.

– Пока у нас не так много исходного материала для обобщения, но уже сейчас можно сказать, что это новый тип зомби, гораздо более опасный. Условно, по тем особям, которых удалось сфотографировать или хотя бы собрать о них более-менее достоверную информацию, можно сформулировать следующее:

1. Отмечены мутировавшие вороны, крысы, хомяки, собаки и люди. Вероятно, список можно продолжить. Из перечисленных только вороны оказались полным неспособностью: летать не могут, передвигаются с трудом и легко забиваются своими живыми товарками. Остальные вполне дееспособны. К сожалению, только во враждебном нам плане. (Прошелкивает несколько фото довольно мерзких животин, вызвавших бы отвращение даже у заядлых гринписовцев).

2. В ходе мутации изменяются параметры объектов – как в сторону физического увеличения (рост, вес), так и в сторону вооруженности. Отмечен рост средств нападения: клыков, зубов, когтей и усиление соответствующих групп мышц. В итоге они могут дальше прыгать, быстрее бегать и осваивают ранее невозможные для них способности. Так, бывший ранее человеком мутант был замечен и ликвидирован пулеметным расчетом, когда совершенно спокойно полз по стене здания на уровне четвертого этажа. Но человек в принципе может так лазать – все-таки от обезьян происходим. Практически в тот же день патруль засек, а вызванная бронегруппа сбила с дерева мутанта, который, судя по ошейнику, до обращения был сенбернардом – хозяин, к счастью, остался жив и подтвердил информацию. Как все прекрасно знают, сенбернары не лазают по деревьям. Этот же мало того, что залез, причем высоко, но и сидел там в засаде, как леопард какой-то. (Щелкает еще несколько раз, и зал озадаченно перешептывается: туша бывшего сенбернара и впрямь озадачивает, особенно в сочетании с поставленным рядом АКМ, выглядящим детской игрушкой).

3. Наличествует и дифференциация мутантов, если можно так сказать. Пока невозможно сказать, почему бывшие люди настолько разнообразно мутируют: как принято говорить у ученых, часть мутантов остаются антропоморфными, то есть прямоходящими и человекоподобными, часть – зооморфируют, то есть становятся похожими на четвероногих животных, повышая этим себе целый ряд параметров.

(Офицер делает эффектную паузу, которую безнадежно угаживает мой забубенный братец, ляпнув трагическим шепотом на весь зал: «Если они еще и фалломорфируют – тогда совсем худо!» В зале начинаются смешки).

Начраз тем не менее продолжает:

– Так, группой зачистки номер 12 зафиксирован мутант, бывший ранее женщиной пожилого возраста, который одним прыжком покрыл расстояние в 8 метров 66 сантиметров. Вот, обратите внимание на изменившуюся структуру задних конечностей. (Еще десяток щелчков. Я обращаю внимание, что голову упокоенному морфу деликатные кронштадтцы закрыли какой-то тряпицей. Также целомудренно прикрыты грудь и промежность дважды покойницы. Ну, а по грязным тряпкам опознать, кто это был раньше, невозможно). Сегодня мутантом была атакована группа зачистки номер 4 – вы уже в курсе понесенных потерь. Мутант прорвался через оцепление и был остановлен огнем группы огневой поддержки. (Здоровенный гориллоид с длинной не по-обезьяньи шеей и могучими лапами-руками не иначе, как влетел под крупнокалиберный пулемет – растрепало его сильно.)

– Особо хочу обратить ваше внимание на изменение челюстей и зубов. Извините за качество съемки – первоочередной была задача остановить и ликвидировать, а о сохранности как-то не подумали. Также акцентирую ваше внимание на то, что мутант после атаки пытался скрыться вместо того, чтобы начать жрать убитых им матроса Велера и мичмана Худеева. Такое поведение совершенно не характерно для зомби, которые обычно теряют всякую осторожность при виде свежего мяса.

(Когда на экране появляются крупно снятые жутковатые и всяко уже не человеческие челюсти – слева они остались целы – братец неожиданно заявляет: «Точно как мой прозектор!». Этого офицер уже не выдерживает и довольно неприязненно спрашивает: «Что вы имеете в виду?», на что братец неожиданно четко и внятно рассказывает об изменении своего сотрудника морга. Это несколько успокаивает начразу).

– Вот видите – морфирование идет несколькими разными, но, видимо, конечными по числу направлениями. К слову, толщина лобной кости и в нашем случае была значительно увеличена.

В дальнейшем мы продолжим обобщать данные и доводить их до всех заинтересованных лиц. Вас всех прошу содействовать в этом.

Зажигается свет.

– Есть ли вопросы?

– Есть дополнение, – встает Николаич. – Мутант, о котором говорил сейчас судмедэксперт, подобен показанному вами. А наша группа сегодня ликвидировала мутанта иной формации: крупного, весом за двести килограммов, и с очень мощными челюстями.

– Как обстояло дело с подвижностью?

– Трудно сказать – мы его расстреляли первым залпом в самом начале атаки.

– Однако... Неизвестно, на скольких он откормился?

– Постараемся это уточнить до завтрашнего дня.

– Еще вопросы?

– Возникает вопрос: до каких размеров морфы могут увеличиваться? Полутонный мутант вряд ли сможет карабкаться по стенкам. Да и на дерево не залезет – не выдержат сучья.

– Мы должны постараться не дать морфам возможности так отъестся.

– Это конечно, но не все в наших силах. Неизвестно, что творится в Питере – тем более, сегодня наблюдали вероятную попытку откорма мутанта. Именно человеческой свежениной, – продолжает Николаич.

– И кто такой добрый нашелся? – оторопеваает начраз. Да и остальные в зале поражены. Много всякой дряни уже видели, но вот люди, специально откармливающие морфов, пока не воспринимаются как реальность.

– Был огневой контакт с группой в девять особей нашего вида – людьми их называть язык не поворачивается, – организовавшими засаду на Петербургском шоссе в районе парка Александрия. Обнаружены не допускающие иного толкования следы каннибализма и откорма морфа, а также и того, что ликвидированная группа – часть большой банды. Все материалы, включая видеозаписи, мы вам представим. Так вот интересно: в случае откорма морфа такой сволочью что будем иметь на выходе – суперморфа или неподвижную пасть с брюхом?

– Валентина Ивановна, что вы можете сказать?

– Сейчас мы ведем эксперимент на крысах. Именно в этом направлении – оба экспериментальных существа уже достигли размеров средней собаки, – но вынуждена отметить, что агрессивность и боевые качества у морфов с увеличением массы только увеличились, – отвечает внимательно слушающая разговор Кабанова.

Наклонившись к уху братца спрашиваю шепотом:

– Слушай, а у прозектора зубы какие были?

– Часть – свои. Обычные, человеческие. А часть – шипообразные остеофиты.

– То есть просто костные выросты из челюстей?

– В тютельку.

– Бред какой-то. Такого в природе не бывает...

– Зомби тоже в природе не бывает.

– Уже бывает... Деталь пейзажа...

Начраз тем временем вспоминает о моей скромной персоне и вытаскивает меня к себе. Приходится коротенько рассказать о нашем сегодняшнем рейде. Вообще-то я предпочел бы, чтоб отдувался Николаич, но раз семинар медицинский, то медику и лопату в зубы. Отмечаю, что женская часть особенно близко к сердцу принимает эпизод в «Зеленой стране», а мужская остается под впечатлением встречи с каннибалами.

Подводит итог Главная, отметив, что благодарит всех за участие, и если собравшиеся посчитают полезным такие семинары впредь – коллектив больницы будет рад и в дальнейшем вести эту работу.

Отвечаем ей аплодисментами.

Далее оказывается, что запланирован небольшой фуршет. То есть семинар плавно перетекает в симпозиум – в старом, римском понимании этого слова. То, что у греков было веселым пиршеством с плесканием вином в цель, суровые римляне ввели в рамки, да еще и серьезно разбавив деловыми беседами. Сочетав практически полезное с приятным.

Когда выкатываемся в холл, где уже расставлены столы с бутербродами, пирожками, пакетами с соком и даже бутылками с сухими и полусухими винами, вижу дурацкую сценку: какая-то маломощная писюлька в наброшенном на плечи халате, то есть из приглашенных, звонко начинает отчитывать Николаича за то, что наша группа бросила без оказания помощи девушку. Дурочка явно работает на публику и страшно гордится своей принципиальностью и добродетельностью. Вероятно, она полагает, что Николаич стушует, затрепещет губами, задрожит подбородком и всяко-разно покажет свое раскаивание и ничтожество.

Ага, щщцааззз...

Замечаю, что публика отвлекалась от разговоров и с интересом наблюдает за этим броском молодой Моськи. Из-за того, что речь зашла о не спасенной девушке (хотя ребенок звучал бы еще звонче и обличительнее), публика определенно заинтересовалась.

– И о какой девушке вы толкуете? – невозмутимо спрашивает Старшой.

– Вы сами отлично знаете о своем отвратительном поступке, – наставительно заявляет девица.

– Не припоминаю, чтоб мы кого-то сегодня бросили без помощи.

– А девушка, которая убегала от морфов, – вы отлично это видели и должны были ее спасти. Если вы хоть немного мужчины и претендуете на то, чтобы называться людьми!

Братец довольно громко заявляет, выслушав эту звенящую негодованием тираду:

– Точно! Эта пигалица – журналистка! Статью готовит.

Пигалица бросает на братца пламенный взгляд, но зря старается: может, кого другого такой взгляд испепелил бы, но на братце даже щетина не задымилась.

– В такое тяжелое, но судьбоносное время мы, люди, должны оставаться людьми! А вы бросили девушку-беженку погибать! Мне рассказали, как она у вас на виду спасалась из авто-сервиса «Нисан»!

– Получается так, барышня, – начинает Николаич, – что меня много кто поучал в жизни. С удивительным, к слову, апломбом. Как вы сейчас.

Потом, как на грех, оказывалось, что те, кто с пеной у рта поучал меня патриотизму и любви к Родине – стали в одночасье предателями, готовыми даже не за грин-карту, а за гринь продать эту Родину в любом виде.

Те, кто захлеб поучали любви к партии – потом громко гордились тем, какими плохими коммунистами они всегда были и как ловко они вредили, где можно и нельзя.

Те, кто поучали меня героизму – оказались трусами, и выяснялось, что все их заслуги и награды – наглое мошенничество и ложь.

Те, кто нагло поучал меня интернационализму – в момент оказались ярыми нацистами, страстно ненавидевшими на протяжении столетий омерзительных русских оккупантов.

И наоборот – те, кто не лез ко мне с поучениями, оказывались и патриотами, и героями. Как тихая соседка по квартире оказалась медсестрой с орденом Красного Знамени за спасение С ОРУЖИЕМ нескольких десятков наших раненых...

С поля БОЯ, что характерно.

Поэтому не надо меня поучать. Чем громче поучения – тем меньше я верю поучающему.

– Это он дал ей фитиля под копчик! – одобрительно замечает братец.

– Но вы не ответили про девушку! – еще топорщится писялька.

– Отвечаю. Вы, очевидно, действительно журналистка, потому как все переврали.

– Выбирайте выражения! Что это я переврала?

– Все. Во-первых, салон «Хонды». Во-вторых – не девушка, а любовница риального патсана. В-третьих, беженцам было приказано находится в безопасности – в колонне, но парочке отмороженных зачесалось забрать деньги из «Макдональдса» и «Хонды». В-четвертых, при опасности указанная вами псевдодевушка кинулась не в нашу сторону, а в совершенно противоположную, где и потерялась. Заниматься прочесыванием целого района силами четырех человек без защиты – при том, что у нас была внятная задача и еще другие беженцы, – не вижу никакого резона.

К слову, сколько человек спасли лично вы, барышня?

– Это не входит в мои обязанности! – гордо поджимает хвост журналюшка.

– Ну, так и не лезьте, куда не просят, и в то, в чем не разбираетесь, – заканчивает пикировку Старшой.

Перекусить и впрямь приятно. Тем более, и бутерброды свежие, и пирожки.

Братец в двух словах сообщает о том, как они прибыли и как его тут же отправили ассистировать, наложив несколько швов на башку.

– Ты что-то веселый и бойкий, – подозрительно посматриваю на него.

– Э, чутелька выпили. Граммов сто. Если б не твое усердие – так и спать бы завалился.

А ты вон еще кучу страждующих притарабанил.

– Хочешь сказать, что оперировать придется, на ночь глядя?

– Очень возможно, если у кого-то из твоих ургентное состояние. Тут все строго поставлено – не забалуешь! Так что если кого на стол, то премедикация – и поехали.

– Да я как-то замудохался, честно говоря...

– Ага. Сидел себе, величался. Дивья-то по КАД проехать. Вот тут – да, потно было.

– Миха и второй раненый? С рукой?
– Нет, с ними-то без заморков обошлось, меня и не напрягали. А потом покатилося: тут морф группу зачистки раскатал, да из Петропавловки приволокли – с политравмой, да детей – чихнуть некогда было.

– А что там в Крепости произошло?
– Без понятия. Заваруха была знатная, это ясно, но в деталях не силен. А что у тебя интересного попало?

Рассказываю о встреченном странном мертвяке у места крушения самолета.

Братец свысока смотрит и лекторским голосом снисходит:

– Давно такого не видел.

– Что это?

– «Селедка». При сильном взрыве сносит ударной волной все, что к позвоночнику прикреплялось, кроме черепа. Череп приделан прочно. А остальное – нет. Вот селедку чистил когда?

– Чистил. И все так просто?

– Организовать сильный взрыв – это не так чтоб просто. Меня другое удивляет.

– Что ноги уцелели?

– Нет. Это-то как раз понятно. Где прошла взрывная волна – там все и снесло, ноги, значит, были в укрытии. То, что вся эта конструкция стояла.

– И? Я уже сегодня видел каталепсичный труп.

– Сравнил попу с пальцем. Ты сам подумай: самолет хряпается о землю, взрывается да еще и горит впридачу. И ты думаешь, что огрызки мягкого, еще гибкого трупа так вот на ножки и встанут? Чушь! – Намекаешь, что это такой обращенный – сам встал?

– Вот-вот, ты уловил. И мне непонятно, как там мозг уцелел, под волной-то, и непонятно, как встал. Надо было бы вам его проверить – то ли действительно каталепсия, да еще так удачно взрывом поставленная, либо действительно зомби.

– Ну, могли и поставить посмертно – по КАД много все же народу еще таскается.

– Ага, щцаззз. И ступни поставили перпендикулярно, и центр тяжести разместили где надо... Нью-ню...

– Интересно, это как такой зомби смог бы отожраться? В морфа?

– А черт его знает... Думаю, не самый актуальный вопрос нынче.

– Пожалуй. Слушай, а политравма какая была? – Огнестрел, сочетанный с механическими повреждениями, и ожоги...

– Ожоги-то откуда?

– Нашлись умники с бутылками... Огнемечики недоделанные... Весело было у вас в Зоопарке, чего там... И здесь тоже весело было, когда все это обрабатывали. Думаю, сейчас опять продолжим. Санобработку уже сделали, по времени судя, сортировку провели – а раз так, то несколько человек под премедикацию идут и на стол... Во, что я говорил: хирург с сортировки пришел.

И действительно: без особой суеты часть персонала покидает общество. Крепкая тетка, немного по силуэту похожая на самоходную артиллерийскую установку «Зверобой», подкатывается к нам.

– Эльвира Семеновна, продолжаем? – достаточно панибратски обращается к ней братец.

– Конечно, – она смотрит на меня: – Вы можете провести первичную хирургическую обработку раны?

– Смотря какой... – осторожно отвечаю.

– Значит, справитесь, – безапелляционно заявляет тетка и, повернувшись к нам спиной, идет прочь. Оборачивается: «Вы что, особого приглашения ждете?»

Судя по всему, особого приглашения не будет. Придется обходиться уже сделанным...

Судорожно вспоминаю, что входит в понятие «ПХО»... Расширение раны, очистка ее от нежизнеспособных тканей, от попавшей в рану грязи и кусков одежды, дренирование после обработки... Черт, я это же делал еще в Казахстане, но там-то это фантики были, и прикрытые имелось, случись что. Мордой в грязь тут падать неохота...

Поэтому пока мою руки под придирчивым взглядом пожилой медсестры, старательно работая щеткой и мыля как положено: ладонную часть, тыльную, каждый палец и между ними и все это так: от кончиков пальцев к локтю и первой левую руку. При купании рук в воде бы первомуре, судя по запаху, судорожно вспоминаю курс хирургии. Замечаю в тазике пуговицу от халата. Делаю замечание сестре, в ответ – удивленный взгляд.

– Вы, доктор, ее выньте и сюда бросьте.

– А что это у вас пуговицы так лежат?

– Как положено: десять пуговиц – десять обработок. Вы – последний, вот и пуговица последняя – раствор свое отработал.

Прокололся, однако; ну, теперь не напортачить и при переодевании в стерильный халат. Колпак и маску. Уф. И ничего на пол не уронил – уже хорошо, только вспотел, как лошадь.

Наконец, доходит дело до перчаток. Натянул.

Пациент уже здесь – парнишка зеленый, сидит весь из себя бледный, замотана кисть руки.

– Это гнойная процедурная? – спрашиваю медсестру, раскладывающую с характерным и леденящим душу пациентов металлическим лязгом инструменты на операционном столике.

– Нет, чистая.

Уже легче. Значит, и рана у пациента не такая страшная. Да и размер у нее, судя по повязке, несерьезный.

Срезаю повязку. Под ней – аккуратный разрез между большим и указательным пальцем сантиметра три длиной. Ага, кажется, я такое видал уже!

– Что у вас случилось – консервную банку открывали, и нож сорвался?

– Дааа... (парень явно поражен врачебной проницательностью).

Приятно ощущать себя таким многомудрым Конан Дойлем. Врача и писателя в то время, когда он был студентом, натаскал его учитель – профессор Белл. Сэр Артур потом беззастенчиво придал Шерлоку Холмсу черты Белла ну и, разумеется, метод дедукции тоже. Белл безошибочно угадывал профессию пациентов на приеме, их семейное положение и прочие тонкости, чем удивлял и пациентов, и учеников.

Потом, когда он разъяснял, по каким очевидным признакам сделал свои выводы, ученики диву давались, как это элементарно. Тем более что обычно профессии того времени сопровождалась и профессиональными заболеваниями, и потому врач, зная, кто по профессии пациент, уже понимал, что придется лечить. Конан Дойль тоже наострился в этом и, к слову сказать, применил не только во врачебной практике – даже сам раскрыл несколько преступлений, так что Шерлока Холмса писал со знанием дела...

Но у меня ситуация проще: ранение типовое и там, где много народу питается консервами, обязательно бывает.

Перевожу дух: страхи пока оказались напрасными – тут все ясно и понятно, тем более, что распорота только кожа, а лежащая глубже артерия не пострадала – так что обработать края раны йодом, промыть рану и наложить пару швов. Шил я, правда, очень давно, да и когда шил – не шибко мастер был, но пара банальных швов – не велика мудрость.

От укола новокаином парень героически отказывается, некоторую премедикацию ему сделали – спиртом от него пахнет, и, по-моему, он его принял «внутриутробно» – не в том смысле, что еще в животе матери, а в том, что в свою собственную утробу. Поэтому четыре прокола иглой для шитья вместо двух от шприца и плюс те же четыре ему кажутся более легкими. Простая арифметика.

И действительно: мои весьма неуклюжие манипуляции, надо отметить, переносит стоически, как спартанский мальчик. Теперь отчекрыжить ножницами концы нитки над узлами. Пластырную повязку сверху – и свободен. Рана у парня чистая, так что заживет, скорее всего, первичным натяжением. Через неделю снять швы – и можно красоваться шрамом.

– Все? – спрашиваю с надеждой у медсестры.

– Все, – отвечает она.

И тут же радужные надежды на возвращение к пирогам рушатся, как воздушный замок, потому что сестра мрачно добавляет:

– Чистые – все. Остальные – гнойные. Пойдемте!

Идем не в операционную – там как раз, по словам сестры, идет полостная операция по поводу перитонита у неудачно прооперированной девушки с аппендэктомией, – а в наспех приспособленную под гнойную палату. Здесь, к моему облегчению, я уже оказываюсь в ассистентах. Это проще. Братца не вижу – оказывается, он в операционной, но тоже в помогалах.

Возни много. Раненые действительно непростые, но, по словам сестры, самая тяжелая – девчонка, которую нашли на крыше.

Мужик, в раненой руке которого мы как раз копаемся, оживает при упоминании девочки. Анестезия у него проводниковая, в подмышечную область ему вкатили серьезный коктейль, отключив плечевое сплетение, так что он в сознании и рад случаю поучаствовать в разговоре. Нам это немного мешает, но рану, видно, то ли не обрабатывали вообще, то ли обработали неумело: дух от нее уже тяжелый, и хирург как раз тянет оттуда – прямо из раневого канала – кусок тряпки, вбитый туда пулей.

– Это наш взвод ее нашел! Представляете – на крыше дома! Мы мимо проезжаем, а она нас услышала и давай руками махать. Ну, мы подъезд зачистили и ее спасли!

– Руку вам тогда повредили?

– Не, это уже позже было!

– Вчера?

– Ага, вчера. Какие-то сукины дети обстреляли.

– Заметили, кто?

– Куда там. Попрыскали туда из пулемета, но даже не смотрели, попали или нет. – С грузом шли?

– Ага. А девчонка действительно слабенькая была. Хотя голодала не так чтобы долго.

– Дело не в голодании, – бурчит хирург. – Дело в обезвоживании.

– С чего бы? Снега там было полно, – удивляется раненый, деликатно морщась от действий хирурга.

– Снегом жажду не утолишь. Только хуже будет. Опять же холод.

– А что холод? Это же не в пустыне?

– Так на холоде человек обезвоживается не хуже, чем на жаре. На жаре – в основном, потеют, а на холоде почки начинают ураганить. С мочой вода уходит куда быстрее, чем с потом. А снег не восполняет потерю. Это ж, считай, дистиллированная вода. Солей нет вообще. А состав плазмы и межтканевой жидкости определенный – значит, на потерю солей организм реагирует усиленным выведением воды, чтоб баланс удержать. В итоге снег только усиливает обезвоживание. Короче и проще говоря: слышали, что нельзя пить морскую воду и мочу? – спрашивает хирург, копаясь глубоко в ране пинцетом.

– Слышал, конечно.

– Так со снегом то же самое, только в морской воде солей слишком много, а в талой – слишком мало. А любой солевой сбой для организма совсем не полезен. Вон, недостаток калия – и вполне возможна остановка сердца или паралич кишечника. С натрием – еще хуже.

– А, так вот для чего мы изюм и курагу ели в жару – чтоб калий возместить, да? Нам еще говорили, что в Афгане за сутки 10–12 литров жидкости человек теряет, – радуется догадке раненый.

– Именно. Вы, коллега, мне не те щипцы дали, – вставляет мне пистон хирург.

– Извините, задумался, – тут же исправляю я свою оплошность.

– Полезное дело, только не в ущерб операции. Над чем задумались?

– Выходит, хрестоматийный немецкий военнопленный из Сталинграда, который умер из-за того, что порезался, открывая консервную банку, тоже был обезвожен? Там еще, помнится, упоминалось большое количество внезапных смертей у немецких военнопленных из-за отказа почек и остановки сердца.

– Несомненно. Город они раздолбали, все, что могло сгореть – сгорело, а в степях там топлива просто нет. Да и снег в Сталинграде – после гари, да с толовым привкусом...

– Точно, с толовым привкусом снег не годится вообще, – с видом знатока заявляет раненый. Он так увлекся разговором, что и не смотрит на работу хирурга.

– Но там же не все войска в Сталинграде находились, часть по деревням вокруг.

– Так избы на топливо не разберешь – там, небось, набилось в избы и сараи как шпрот, немцев-то, румын, хорватов и итальянцев. А сельские колодцы – ну, не рассчитаны они на дивизии, да еще с техникой и лошадьми. Картина обезвоживания явно прослеживается. Обычно-то речь идет о том, что немцы оголодали, обморозились и приболели. А вот обезвоживание почему-то не учитывают. Соответственно, и у девчонки все проблемы из-за обезвоживания. Но, надеюсь, обойдется: прокапаем – восстановится...

Раненый косится на свою рану и озадаченно говорит:

– Вот ведь какая маленькая, а мозжит, как большая...

– Так она и есть большая, – отзывается хирург.

– Как же большая – дырочка-то была маленькая. Пока вы ее не расковыряли, – осуждающе заявляет пациент.

– Иначе нельзя, – отзывается хирург. – Иначе заживать плохо будет.

– Да как же долго – меньше было б заживать, – упирается раненый.

– Пуля на пробивание тканей (такая, как у вас, судя по ране – калибра 7,62 мм) тратит 70 % энергии. А 30 % идет на боковой удар – контузию соседних с раневым каналом тканей. Те ткани, которые рядом с раневым каналом, погибают, получается зона первичного некроза. Это все надо чистить – некротизированные ткани не оживут. Ну, а до трех сантиметров – зона молекулярного сотрясения. Чистая контузия.

– Да ну? А малопулька если б была?

– 5,56 мм? С той еще хуже: зона травмы – 6 сантиметров при том, что малопулька на пробивание тканей тратит, наоборот, 30 % энергии, а на боковой удар – 70 %. Скорость полета у нее выше, отсюда и беды.

– Скорость-то при чем?

– «Е» равняется «МВ в квадрате пополам». Слышали такую формулу?

– Не, не доводилось.

– Ну, в общем, чем выше скорость объекта – тем выше энергия. А масса имеет меньшее значение. Так что малопулька дает не только зону первичного некроза, но и зону вторичного некроза, да еще и создает временные пульсирующие полости.

– Так чпокает, что ткани в стороны отпрыгивают?

– Точно так. Но скорее не отпрыгивают, а отшибаются.

– Значит, выходит, мне еще повезло?

– Везение тут относительное. Но то, что могло быть куда хуже – несомненно.

– Да что уж, повезло мне, что к вам попал. Как там этого знаменитого доктора звали в сериале – ну, он еще все время язвил и диагнозы ставил... О, вспомнил! Доктор Хаос. Так вы еще больше знаете!

– Язвите?

– Не, я серьезно. Сегодня сижу, лапу ненькаю, а тут от ротного посыльный: хватай мешки, вокзал отходит – сейчас будет колонна до больницы. Бегом не побежал, врать не буду, но поспешил, как мог. У нас-то санинструкторы только – правда, много, учебка целая. Часть из них, конечно, накрылась, пока разобрались что к чему, но все равно много осталось.

– Что ж, если серьезно – тогда ладно. Сейчас еще дренаж поставим. Чтоб всякая дрянь свободно оттекала – и хватит на сегодня. К вашей удаче, кости не задеты – рядышком прошло, но не зацепило. На рентгенограмме хорошо видно.

– И что, даже зашивать не будете?

– Не стоит зашивать. Если все будет хорошо грануляциями заполняться, потом прихватим. Сейчас отдохайте, набирайтесь сил...

– Ага, постараюсь...

Пока пациента с его капельницей откатывают из процедурной в палату, хирург размывается и говорит мне:

– Во время вписались – и тут мужику повезло. Начиная с третьих суток после ранения или травмы начинается резкая декомпенсация организма. И лезть становится опасно: после хирургической обработки половина оказывается с осложнениями и нагноениями.

– И долго такое?

– 12–14 суток. Две недели, и потом снова компенсаторные механизмы включаются... А еще у раненых сгорают антиоксиданты – сиречь, витамины. Витамин С – аж на 86 %, Е – 45 %, В – 66 %, А – 30 %. Вот и лечи их после этого. И углеводы у раненых сгорают в момент... Ладно, нам уже следующего везут. Продолжаем.

Работа заканчивается сильно за полночь. Мне предлагают переночевать в больнице, но оказывается, что за нами – мной и братцем – прибыла машина. Раз такое дело, идем посмотреть, что там приехало. Оказывается, это Семен Семеныч с Николаичем. К раненому Михе отца пустили. Но на ночное дежурство оставили его маму Ларису Ивановну, а папу вежливо попросили долой. Тут как раз прибыл Николаич: нашу команду разместили в домике неподалеку – без особого шика, но кровати, матрасы и белье есть, есть санузел с душем и окна зарешечены, а кроме того – тепло еще впридачу. Соседями у нас семьи мореманов – эвакуировали в этот чистый район из пока проблемного, но наш отсек имеет отдельный выход, и в целом – о лучшем и мечтать не приходится. Сейчас еще должны подойти или подъехать Вовка с Серегой – они, получив в распоряжение трех срочников-салабонов, припахали мальчишек на мытье новоприобретенного БТР.

Семен Семеныч чем-то обеспокоен – думаю, что визит к сыну и соседу сказался. Задумавшись, Семен Семеныч начинает напевать одну из своих бесчисленных нескончаемых песен:

С деревьев листья опадали, елки-палки, кипарисы.

Пришла осенняя пора – после лета.

Ребят всех в армию забрали, – хулиганов,

Настала очередь моя – главаря.

И вот приходит мне повестка – на бумаге, семь на восемь, восемь на семь.

Явиться в райвоенкомат – утром рано.

Маманя в обморок упала, – с печки на пол,

Сестра сметану пролила – вот корова!

Влезай маманя взад на печку – живо-живо.
Сестра, сметану подлижи – язычищем.
Поставить надо богу свечку – огроменну
И самогону наварить – две цистерны!

Я сел в вагон, три раза плюнул – прямо на пол.
Гудок уныло прогудел – трутутуууу,
А я, молоденький парнишка – неженатый совершенно
На фронт германский полетел – вот везуха!

Сижу в окопе неглубоком – пули свищут мимо уха.
Подходит ротный командир – ну, зверюга!
А ну-ка, братцы-новобранцы – мать вашу!
Давай в атаку побежим! – Через поле!

Над нами небо голубое – с облаками,
Под нами черная земля – небо в лужах.
Летят кусочки командира – ёксель-моксель,
Их не пымать уж никогда – не пытайся!

Летят по небу самолеты – бомбовозы,
Хотят засыпать нас землею – жидким илом, всякой дрянью.
А я, молоденький мальчишка – лет семнадцать, двадцать,
тридцать, сорок восемь,
Лежу на пузе и стреляю из винтовки – трехлинейки шибко метко:
точно в небо!
Бегит по полю санитарка – звать Тамарка, иль Маринка, или
Фекла.
Хотит меня перевязать – сикось-накось.
Мне ногу напрочь оторвало – железякой или бонбой,
В обрат ее не примотать – взял в охапку!

Меня в больнице год лечили – уморили,
Хотели мне пришить ногу – чтоб как было.
Ногу они мне не пришили – троглодиты, охламоны.
Теперь служить я не могу – дайте выпить!

– Забавно, а у нас ее по-другому пели, – неожиданно оживляется молчавший до этого Николаич.

– Как по-другому?

Николаич смущается, но все же нетвердо и неожиданным тенорком напевает:

Ко мне подходит санитарка (звать Тамарка)
Давай я ногу первяжу.
И в санитарную машину (студебекер)
С собою рядом положу.

Бежала по полю Аксиныя (морда синя)

В больших кирзовых сапогах.
За нею гнался Афанасий (восемь на семь)
С большим термометром в руках.

Меня в больнице год лечили – уморили
Хотели мне пришить ногу.
Ногу они мне не пришили – трагладиты,
Теперь служить я не могу.

– Ну, и так можно, – покладисто соглашается Семен Семеныч.

Зданию, где нас расположили на ночлег, стоит слегка на отшибе, но вход освещен ярко. Выгружаемся и заходим внутрь, не забывая посматривать по сторонам.

Уюта, разумеется, ноль – видно, что готовили для нас место наспех и формально. Придаться не к чему особенно, но явно – холодные сапожники делали, причем по списку: кровати стоко-то, матрасов – соответственно, белья до кучи – вали кулем, потом разберем!

Говорю об этом братцу. Тот тарашит непонимающе глаза и вопрошает с недоумением:

– Кисейных занавесочек не хватает?

– Уюта, чудовище!

– А, ну да, Станислав Катчинский, как же! Пospал бы ты в морге на люменево́й каталке – не выдрючивался бы, как девственная девственница.

– Какой Катчинский? – осведомляется у меня оказавшийся рядом Семен Семеныч.

– Персонаж Ремарка – «На Западном фронте без перемен». Я эту книжку перед армией как раз прочитал, и мне этот солдат понравился – вот я его за образец и взял.

Пыхтя, начинаем расставлять удобнее наставленную абы как мебель.

– А чем он так хорош-то оказался?

– Он умел в любых, самых гадких условиях приготовить – и найти – жратву и устроить удобный ночлег. За что его товарищи и ценили.

– Не мудрено. Хотя вот сейчас токо бы прилечь. После морга-то тут куда как здорово, это вашим братом верно сказано было.

– Вас хоть покормили?

– Ага. Куриным супом, представляете? Это ж какая прелесть, если подумать! Картошечка, морковочка, риса чутка – и курицы здоровенный кусище, мягчайший! Петрушкой посыпано, укропчиком! Душистое все – чуть не расплакался. И потом макароны – с тертым сыром и соусом! И кисель вишневый! От аромата нос винтом закрутился!

– Да вы ж уже роллтона сегодня хотели?

– Э, роллтон по сравнению с грамотно и душевно приготовленной пищей – ничто и звать никак. От безысходности роллтон-то. Все – таки жидкое и горячее...

– Во! Братец, слушай, что умные люди говорят!

– Слушал уже, несколько дней. Токо не верю ни единому слову, ибо воистину – харчевался Семен Семеныч и в шавермячных, и фэтс-фудах, и в прочих богомерзких и отвратных зело местах.

– А куда денешься? Кушинькать-то хочется. А у нас тут не Европы, на каждом шагу ресторанов нету – неожиданно начинает оправдываться матерый дальнобойщик.

– Истинно, истинно говорю вам, чада мои: отверзши уста свои на шаурму, совершают человецы смертный грех! – пророческим голосом продолжает мой братец.

– Эко на тебя накатило, братец, святым духом!

– Дык меня в больнице пару раз за священнослужителя приняли, вот и вошел в роль, – выходит, наконец, из роли проповедника мой родственник.

– Стричься надо чаще и лицо делать попроще. А то отрастил конскую гриву, хоть косички заплетай! – пытаюсь я поставить его на надлежащее место.

– Дык косички как-то не в дугу.

– Почему не в дугу? Вон гусарам было положено по три косички носить – две на висках и одну на затылке. А без косичек – и не гусар, значит, – поясняет расстилающий простыни Семен Семеныч.

– Ну, так это при царе Горохе было! – возражает занимающийся тем же братец.

– Ни фиги! Наполеоновские, например, гусары – все с косичками были. И отсутствие косичек было весьма серьезным нарушением формы, традиций и обычаев. Да и у наших-таки тоже многие с косичками щеголяли, – странно, Саше-то откуда это знать, интересно...

– Не, на гусара ваш братец не похож, – отмечает дальнобойщик.

– Почему?

– Долговязый слишком. Таких в уланы брали.

– Это что ж, такой серьезный отбор был?

– А как же. И еще серьезней: вон, павловские гвардейцы подбирались все курносые и светловолосые, а измайловцы – наоборот, темные были. С кавалерией – так там еще и по задачам: кирасиры – крупные дядьки в кирасах, да на толстомясых конях – дышалки хватает на один таранный удар, далеко бежать не могут, зато удар получается страшный. Гусары – мелкие, лошадки тоже мелкие, верткие – эти в разведку и преследовать хороши. Ну, а уланы – в пир, в мир и в добры люди, да еще и с пиками...

Улан побьет гусара,
Драгун побьет улана,
Драгуна гренадер штыком достанет, хе-хе,
А мы закурим трубки,
А мы зарядим пушки,
А ну, ребята, пли!
Господь нас не оставит...

Допеть Семен Семенычу не дает явившийся опер, злой как черт и столь же недовольный.

– Когда вампир кусает человека, тот непременно становится вампиром... Когда зомби кусает человека, тот непременно становится зомби... Так вот, такое ощущение, что людей покусали дебилы...

– Сильное вступление, – одобрительно говорит братец, – а к чему это?

– К тому, что сколько живу – убеждаюсь в конечности всего, и лишь глупость людская безгранична! – раздраженно отвечает Дима.

– Ты прямо афоризмами говоришь. Но если, снисходя к нашему интеллекту – это ты к чему? – заинтересовываюсь и я.

– Меня припахали опросить поступивших из Крепости раненых. Снять показания. Для разбора полетов. Так вот, этих пострадавших явно кусали дебилы. У меня в голову не помещается, насколько надо быть кретинами, чтоб такое вытворять...

– Давайте-ка сначала наведем порядок, а потом все послушаем, – вмешивается Николаич, и мы возвращаемся к тасканию и перестановке мебели.

Впрочем, создать подобие казармы, составив кровати попарно, повтыкав между ними разнобойные тумбочки, освободив место для стола и четырех стульев и застелив койки – минутное дело. Опыт есть, минимум, у половины, а неслужившие – как мой братец и Саша – достаточно сообразительны, чтобы с этой нехитрой премудростью справиться.

– Ну, давайте, Дима, рассказывайте, что там без нас устроили?

– Тогда слушайте. Можете на автомате вставлять после каждого предложения «мать-перемать» – не ошибетесь. Излагать буду по возможности своими словами – видел сегодня уже, как наши медики от нормального грамотного протокола корчатся. Так вот, между 8.16 и 8.55 группа подростков из шести человек несовершеннолетних обоюбого пола воспользовалась невнимательностью часовых и несанкционированно проникла на территорию Зоопарка. Оказывается, детишки уже второй день туда шастают – на зверей посмотреть, заодно они же занимались тем, что дразнили запертых в помещениях за стеклом зомби. Приколно, им, видите ли, было: типа шоу-реалити за стеклом. Я думал, что хуже быть не может. Оказалось, у меня просто убогая фантазия... В 9.12 на территорию Зоопарка вошла группа окончательной зачистки, сформированная из тех самых протестантов, на которых Михайлов жаловался. Всего таковых набралось 18 человек. Михайлов и Охрименко пытались организовать их действия, но были посланы «на хутор бабочек ловить» – это цитата из показаний. После чего артель инвалидов умственного труда хаотично разбрелась по территории, застрелив для начала двух антилоп и козла. Им, видите ли, тоже показалось прикольным козла замочить.

– Время говорить «мать-перемать»?

– Разумеется! Группа подростков услышала выстрелы и решила «помочь»! Открыли для этого дверь павильона, в котором была пара «зомби прикольных». И прямо из Роттердама попали в Попенгаген... Зомби оказались шустерами и погнались резво за своими освободителями. Разумеется, детишки ломанулись на выход, то есть прямо на эту группу зачистки.

– И нарвались на нестройный и неточный залп?

Мент подозрительно смотрит на братца.

– Это откуда стало известно? Раненые рассказали?

– Просто выбрал самый дурацкий вариант поведения, – пожимает плечами братец.

– Угадали. Этим залпом было ранено трое подростков – девчонка и два парня. То, что тупые дети визжали и верещали на бегу и уже поэтому никак не могли быть зомби, горечистильщикам и в голову не пришло. Угадаете опять, что дальше было или мне продолжить?

– Наверное, ситуация развивалась так: дети и зомби влетели в кучу стрелков, шустеры сцапали первых подвернувшихся и стали драть мясо, остальные частью кинулись наутек, частью устроили неприцельную пальбу в разные стороны... – продолжает братец.

– Вечно вы, лекаря, наперед все знаете... Точно так и вышло. В итоге ранено было еще четверо, да зомби троих искусили. После этого укушенных посадили в карантин, раненых отправили сюда, а в Крепости возникла драка между родителями детей и уцелевшими протестантами. Полагаю, что михайловские и гарнизонные тоже приняли участие – протестантам насовали изрядно и оружие изъяли.

– Шустеров кто угомонил?

– Пулеметчик из «Гочкиса». Одного достал через ограду, второй погнался за убежавшими и был упокоен, когда замешкался перед протокой. Что любопытно – на две движущиеся цели этот мастер потратил четыре патрона.

– Виртуоз прямо. С ранеными нескладуха какая-то: привезли из Крепости не семь человек, а одиннадцать. Опять же не все с огнестрелом, а с переломами. В драке пострадали?

– Нет, отступление у них такое бодрое получилось. Поломались, когда в дверцу самодельную кинулись.

– Мда... Надо бы проследить, чтобы эти раненые иерои кого не покусали – хватит уж дебилов-то.

После наведения порядка в жилье, которое с легкой руки Николаича окрестили «кубриком» – самое время железо почистить. Николаич берется за РПД, остальные разбирают свои стволы – так, чтоб вовсе безоружным не оставаться, и чистят вразнобой – чтоб у одного был разобранный пистолет, а основной ствол стоял в готовности, а у другого наоборот. Саша недоуменно спрашивает:

– А мне непонятно: козла-то зачем было убивать? С едой вроде же порядок, задача была простая – зачистить павильоны. Козел-то при чем? И оружие этим недоумкам зачем давали?

– Саша, тебе доводилось заставлять работать человека, над которым у тебя нет власти и который туп и нагл? Тут вариантов токо два: либо замотивировать, что трудно, учитывая, что туп и нагл, либо заставить силой – типа избиения по лицу и так далее. Попутно не давать жрать. Но к этому мы еще не пришли, вот и получается: есть куча горлопанов, всем недовольных, не знающих, как и что делать, да и не желающих руки пачкать, но критикующих все сделанное другими так, что земля дрожит – и что с ними делать? – начинает объяснять ситуацию Старшой.

– Ну, заставить работать-то можно? – наивничает Саша дальше.

– Как? Как заставить? Человек не хочет работать. Принципиально. Жрать вкусно – хочет. А работают пусть тупые лузеры и быдло, а он – не будет. Он выше этого!

– То есть считаешь, что Овчинников прав? Стоило этих недовольных вооружать и посылать на зачистку?

– Считаю, что да. Потери понесли те, кто нарушил распорядок. По-моему, там все – кандидаты на премию Дарвина, без всяких сомнений. И подростки, прокрававшиеся в Зоопарк, уже не Том Соьер – им, самое малое, по 14 лет, а полезли безоружными на рожон. Дразнить зомбаков, а уж тем более их выпускать – это вообще надо быть анэнцефалом. И ровно то же самое, но постарше – группа протестантов. Ну, вот получили они оружие – так ведь просто ствол ровно ничего не дает. И даже ствол с патронами – тоже, – влезаю и я в разговор.

– Да это я и сам вижу, что тактика и сработанность рулят, – соглашается мой напарик.

– И рулят, и педалят. И урок получили знатный. Уцелевшим начистили хари, отобрали оружие, опустили, что называется. Если они теперь вякнут, то получают по хлебалу влет. И вот уже сейчас их заставить работать – можно. За них вступаться теперь не будут – слишком знатно облажались. А так ведь знаешь нашу публику: сразу жалеть бедненьких начнут, начальство ругать, – завершает Николаич.

– Хотел бы отметить такой еще нюанс, если интересно: добрая половина ранений – мелкой дробью. Девчонке вообще бекасиной влепили, – с намеком заявляет Дима-опер.

Смотрим на Николаича. Он чешет в затылке, ухмыляется и спрашивает:

– И что вы на меня уставились? Какие были патроны – те Михайлову и отдал.

– А Михайлов?

– Что Михайлов?

– Ничего не спросил? Патроны-то он посмотрел?

– Конечно. Он же грамотный человек. А на патронах и коробках все написано.

– И?

– Получается так, что сказал спасибо: патроны-то из наших запасов пошли. И если вас интересует мое мнение, так и слава богу. Ну-ка, лекаря: а если б девчонка, например, картечью огребла вместо бекасинника?

– Если б там была картечь, то у нас было бы куда меньше работы. Может, конкретно у меня работа и была бы – меня с утра уже напрягли в морге разбираться: более двадцати подозрительных трупов нашли, надо будет смотреть. К слову, и Дмитрия тоже напрягают, – рассудительно отвечает братец.

– Те самые сведения счетов с живыми?

– Они самые. Вообще мне так намекнули, что на часть команды тут имеют серьезные виды. Меня-то вроде как и выручали специально как судмеда, но и опера у вас забрать хотят, и брательник тоже запонадобился, да и насчет остальных тоже внятно говорилось: не фиг вашей группе прозябать в Крепости, тут вы больше наворочаете. А теперь вы еще и приданым обзавелись, так что вы завидные невесты.

– Приданое – БТР имеешь в виду?

– Его самого. Зачетный сундучок. А морфиня, которая там сидела, – и впрямь сушая жезль? Тут ее размеры произвели серьезное впечатление. Стокилограммовый морф группу как кегли разметал, а там не дети малые были, у вашей же габариты еще серьезнее?

– Помалкивать будете?

– Обижаете. Я хорошо помню, кто меня сегодня из Петергофа вывез.

– Вообще-то, братец, вывезли тебя ребята из МЧС, а вся работа пошла с подачи командования базы, – напоминаю я ему очевидные вещи.

– Отчепись – понимаешь же, что я имел в виду, – отмахивается родственничек.

– Будет он помалкивать, Николаич.

– Получается так, что боевые качества морфини мы оценить не успели – она оттуда вылезти не смогла. Лючок мал, а она отожралась. Челюсти у нее, и правда, посильнее, чем у гиены – ваш брат утверждал, что она спокойно дробила бедренные кости.

– Впечатляет. Видел я на вскрытии медвежьих покусы – так там бедро съедено было, а кость мишкам не по зубам оказалась.

– Это где вы такое видели, интересно? – заинтересовывается Николаич.

– Да тут, в Ленобласти, был инцидент.

– Что-то вы путаете – не было такого, я точно знаю, за последние лет тридцать! Да чтобы еще не один медведь был! Сколько медведей напало?

– Двое.

– Чушь!

– Отнюдь не чушь. Даже в зарубежной прессе про этот случай писали: «В Зеленогорске, фешенебельном пригороде Ленинграда, медведи сожрали женщину!»

– Ну-ка, ну-ка?

– Да все очень просто. Какому-то из НИИ запонадобились для экспериментов крупные млекопитающие. Добыли двух медвежат. Эксперименты закончились, медвежата подросли, а у медведей характер с возрастом сильно портится. Списать – так они на балансе Минздрава. Зоопарку бурые и даром не нужны. Цирк руками и ногами открещивается – медведи старые для трюков, уже не обучишь. Долго ли, коротко – пожалел мишек главврач детского санатория в Зеленогорске. Не совсем, надо полагать, бескорыстно: он с Комитета по здравоохранению эту проблему снял, а ему, наверное, что-нито для санатория выделили, и все довольны.

Но медведей-то кормить надо. Жрут-то они изрядно. А фондов под медведей не выделено, потому кормили их так ли – сяк ли. Жили бурые впроголодь. А когда переехала ухаживавшая за ними техничка, так и совсем дела пошли плохо, а главврачу еще и других проблем хватало – время веселое было.

Вот никто новую уборщицу и не предупредил, чтоб она у клетки-то не шарилась.

Она еще, наоборот, конфеткой зверей захотела угостить. Миши с голодухи ее лапами к прутьям клетки подтянули и объели, докуда морды хватило. Косолапых, конечно, после этого в расход, главврача по шапке, а тут еще и шведы с англами про этот случай провещали: дескать, не зря мы рассказываем своим читателям, что в России медведи по улицам с балалайками ходят и людей жрут – вот, извольте видеть, что в культурной столице происходит; можете представить, что в других городах делается...

От себя замечу, что более тощих медведей никто из бывших там не видел, и во всей пищеварительной системе у мишек только и было, что злополучная конфетка да куски несчастной уборщицы.

– Это что, действительно, правда? – все еще не вполне верит в правдивость истории Старшой.

– Абсолютная, – спокойно подтверждаю я слова братца.

– Ни за что бы не поверил!

– Э, у нас еще и не такое бывает. Братец, помнишь зебру?

– Которая девочке пальцы откусила?

– Ага.

– Помню, как же. Редкий был случай – микрохирурги в Педиатрическом как ни корячились, а пальчики не прижились. Кусанные раны – вообще плохие: размозженные и инфицированные.

– Что, девочка хотела зебру погладить?

– Нет, чем-то хотела угостить. А лошадка была не в духе. Так пальчики в варежке и привезли. Дикае зверюшки – они-таки дикае все же...

В дверь стучат. Оказывается, приехали наши омыватели БТР. Тоже как опер – злые. Только еще и зачуханные сильно, причем наряжены в какое-то грязнейшее морское шмотье очень сильно с чужого плеча.

Злые клоуны из военно-морской самодеятельности...

В помещение не входят – говорят, что связывались с Надеждой, и та пообещала устроить помыв личного состава – благо, уже поздно. К слову, ей тоже предложили остаться при больнице...

Ну, просто на куски кумпанию рвут...

Однако помыв – он и в Африке помыв. Меня удивляет, что братец, хоть и принявший уже сегодня душ, собирается вместе со всеми.

Он замечает мое недоумение.

– Приходится наверстывать план по помыву в конце месяца, – и широко ухмыляется.

Ну да, отоспаться-то он уже отоспался.

Хоть уже и глубокая ночь, но моемся не торопясь. Надежда ухитрилась еще по бутылке хорошего пива на нос раздобыть. Решаем так: две трети команды пиво примут сразу после помыва, треть – после того, как до кроватей доберемся. Что особенно трогает, бельишко какое-никакое нам тоже приготовили. Рабочее шмотье Вовке с Серегой выкинуть не дают, увязывают в отдельный узел – время такое, что еще и пригодиться может.

Сидим распаренные, дожидаемся последних – Сашу с Димой.

Вовка тем временем высасывает бойко свою бутылку, невзначай половинит долю зазевавшегося Сереги, а потом начинает рассказывать эпопею о промывании внутренности БТР. Жалко, среди нас нет Гомера – со слов Вовки получается настолько эпический подвиг, что куда там авгиевым конюшням!

Приданные салабоны, конечно, оказались ни на что не годны. Это и понятно: пахать на чужого дядю отправляют не самых лучших. Конечно, по уму там еще мыть и мыть, но, во всяком случае, уже можно в БТР ехать, не особо боясь перемазаться в жиге из крови и сала со всякими включениями еще более неаппетитного характера.

Машина не новая, но и не сильно потрепана. Боекомплект практически полный – и для КПВТ, и для ПКТ. В мешке для гильз – пара десятков пуляшек от крупнокалиберного было, да на полу в жиге попадались гильзы от ПК. Тряпки и огрызки обуви Вовка не смотрел – это Серега разбирался.

Серега, грустно оценивший понесенные потери в бутылке, заметил, что, по его мнению, в машине были четыре человека и водитель. Водитель успел удрать – вполне возможно, что и укушенным, а вот остальные – по рваным шмоткам Сережа решил, что там был рослый мужик (ботинок 44 размера), женщина средних лет (подметки от сапожек 38 размера) и две девушки или девочки (тряпки, насколько разобрал, молодежные и остатки кроссовок). С размерами кроссовок разобраться не вышло, но не детские, это точно. Крупных костей не попало – так, мелкие осколки...

– Получается так, что с трех человек морфуша разожралась.

– Сидячий образ жизни. Нарушение обмена веществ. Да может, и была толстой.

– Сережа, а по тряпкам там с размерами разобраться нельзя было?

– Нет, Николаич, у меня не получилось. Не силен я в этом. Не барсучьи же следы или там заячьи... Это вон лучше любой женщине показать – они скажут. Мы тряпки отдельно сложили и велели не трогать.

Интересную беседу нарушает явившийся Семен Семеныч.

Задумчиво предлагает ехать спать.

И в два приема кумпания оказывается в «кубрике»... Николаич делит смены, и все, кроме часового, валится как в омут...

Последнее, что слышу – тихое бурчание своего соседа Саши:

– Козла-то им зачем было стрелять...

Седьмой день Беды.

В джунглях жарко и сыро. И душно. Роскошными игрушками порхают здоровенные бабочки и попугаи. Немного странно, что и бабочки, и попугаи практически одинаковы по размерам. Но смотрятся они на сочном зеленом фоне листьев, листочков и листов – и листищ – роскошными пятнами, очень гармоничными, что часто бывает в природе, когда плохо сочетающиеся на холсте или бумаге цвета легко уживаются в оперении попугая или раскраске насекомых... Солнце бьет в глаза и пятнает тенями зеленое буйство вокруг.

Не могу понять, куда делись кумпаньоны – вроде бы они должны быть рядом, но я никого и не слышу, и не вижу. Зачем-то я тащу в руках тостер с волочащейся за ним вилкой на шнуре. Белый шнур, белая вилка.

Тостер необходим. Это я точно знаю. Просто уверен. Совершенно железно.

Впереди мелькает человеческий силуэт.

Спешу, как могу, но ноги словно проскальзывают, и двигаюсь я медленно-медленно.

Силуэт приближается, и я четко вижу, что это женщина, причем молодая.

Олька!

Точно, ее спина. Правда, волосы почему-то длинные, а у Ольки всегда под мальчишку стрижка. О, это отлично, что встретились. Видно, ей как-то удалось добраться из Хибин.

Эй! – хочу ее окликнуть, но глотка пересохла, и получается тихо и сипло.

Она впрочем, услышала и поворачивается, неожиданно оказавшись совсем рядом.

Нет, это не Ольга. То есть и Ольга тоже, но больше та девчонка с крысом на плече.

Мертвая девчонка-Олька с мертвым взерошенным крысом.

Пушистые волосы сбились в паклю жгутами, как у наших недоделанных уиггеров, лицо сохранило приятный изящный абрис, но щеки смякли, кожа полупрозрачная, как грязный воск, и на обнаженной груди отвратительная сетка зеленых трупных вен... Страдальческий оскал полуоткрытого рта с обсохшими зубами медленно меняется на мертвую улыбку, глаза широко открываются – узнала меня!

Деревянно протягивает в мою сторону тонкую руку с крошечной ранкой на указательном пальце, отчего мертвая и какая-то мятая грудь – обвисшая и с трупными пятнами – вздергивается совершенно нелепым рывком, и я прекрасно понимаю, что сейчас дохлый крыс со слипшейся шерстью, проскочив по ее руке, своим мертвецким скоком прыгнет мне в лицо.

– Наконец-то созрел для ночных поллюций? Можно поздравить? – радостно спрашивает меня братец.

– Не, – с трудом шевелю пересохшим языком, – это Оле Лукойе недоглядел. Всучил мне твой профессионально ориентированный сон!

– А что приснилось? – с интересом спрашивает с другой стороны Саша.

– Мертвая голая девушка с мертвой крысой на плече.

– Жалкий извращенец-подражатель. Считаешь, что если мне приснятся толпы обдриставшихся и захлеб орущих младенцев, то это будет твой сон?

– Обязательно! – тут я уже немного прихожу в себя и вижу, что свет горит, наши ребята большей частью встали и собираются.

– Ладно, вставай. Тут рукомойник один, так что уже толпа собралась.

– А Николаич где?

– Пошел уточнять, что там нам светит. А Володька к БТР похилил.

– А насчет завтрака что?

– Ты глаза разлепи сначала...

Совет хороший. Разлепленные глаза показывают довольно идиллическую картину: наши уже проснулись все, я последний валяюсь, как ненужная вещь. Кряхтя и потягиваясь, встаю. Это монументальное событие остается незамеченным публикой. Озадаченный Дима с Ильясом рассматривают вчерашнюю малопулечную снайперку, братец копается в какой-то рыхлой исписанной и исчерканной тетради совершенно антисанитарного вида, Саша роется в вещмешке, а Серега то ли сочиняет стихи, то ли просто дремлет с открытыми глазами, прислонившись к стене и скрестив на груди руки, как и положено влюбленному романтическому герою. Непонятно, куда делся Семен Семеныч – ночевал он с нами; ну да, скорее всего – в больницу уже побег, к сыну.

Чтоб добраться до рукомойника, приходится вылезать на улицу и стучаться к соседям. Открывают не сразу, и общее впечатление, после того как под строгие окрики («Дверь закрывай, не май месяц!») проскакиваю внутрь, довольно диковатое. Народ тут сидит буквально, как лягушки в банке. Под строгими взглядами торопливо плещусь в холодной воде, вместо чистки зубов скорее обозначаю это действие и поскорее возвращаюсь в наши хоромы. Да у нас тут хоть балы закатывай – так просторно по сравнению с соседями.

– Кстати, братец! Ты вчера грозился пересказать мне все, что я пропустил на семинаре.

– Легко. Садись, слушай! Что-то ты изумился?

– Да был уверен, что ты начнешь отбредиваться, говоря «да ты и сам врач, и так все знаешь»...

– Э, какой с тебя врач! Короче, слушай мудрую мудрость наимудрейших и умудренных мудростью мудрых.

Братец вертит в руках свою замусоленную тетрадищу, по-моему, даже переворачивая ее вверх ногами, хотя кто ее поймет – где там у нее верх, а где низ.

– Ага, вот! Значится, задачи медицины катастроф.

1. Участие совместно с аварийно-спасательными группами МЧС и ГО в оказании первой медицинской помощи, организация эвакуации пострадавших из очага. Очаг массовых санитарных потерь – территория, на которой имеется не менее 10 тяжело пострадавших, нуждающихся в первой врачебной помощи по неотложным показаниям в срок до двух часов.

2. Организация доврачебной и первой врачебной помощи.

3. Оказание квалифицированной и специализированной помощи в лечении и реабилитации.

4. Организация эвакуации меж этими этапами.

5. Организация и проведение судмедэкспертизы и судмедосвидетельствования пораженных.

Как ты понимаешь, пятый пункт особенно согрел мне душу.

Но тут есть нюанс: этот проф добавил, что при крупном песце, который затрагивает целиком населенный пункт, реально помощь можно оказать только со стороны. Самостоятельно справиться пострадавшие не могут.

– Это почему же? – осведомляется заинтересовавшийся Саша.

– Ну, во-первых, статистически оказывается, что при БП адекватно оценивают ситуацию и толково действуют только полпроцента руководителей всех звеньев. Что характерно, это вневременной и интернациональный показатель, так что можно считать его оценкой челове-

ческой сути в катастрофе. Остальные 99,5 % руководителей либо банально гибнут, получают травмы, теряют голову, впадают в психоз, либо отдают совершенно бессмысленные распоряжения, только усугубляющие ситуацию. И не факт, что в этих полпроцентах сохранивших способность к разумным действиям окажется мэр, а не директор прачечной, например.

Соответственно, рушится вся структура управления, вся координация и ужасная из-за прихода полярной лисы ситуация становится совсем ужасающей. Хаос подогревается так же и тем, что гакается вместе с другими структурами и служба правопорядка – тут же начинаются бандитизм и мародерство.

– Во-во, похоже, как в Петергофе! – вклинивается в разговор Серега.

– Ага. Причем опять же, совершенно все одинаково – что в итальянской Мессине, что в армянском Спитаке, что в американском Новом Орлеане.

Во-вторых, разрушаются сами организационные структуры – например, то же здравоохранение. Чисто физически.

Мне не терпится показать себя шибко умным, чтобы братец нос не шибко задрал:

– Коллеги работали в алжирском городе Эль-Аснаме – там было землетрясение; уцелели окраины, а центр многоэтажный сразу сложился. Как карточные домики. Наши жили за городом, ну и в целом не пострадали, хотя один мой знакомый чуть не прыгнул с балкона четвертого этажа, когда квартира тошно заколебалась – остановило только то, что балкон у него на глазах отломился и улетел вниз. Другой – достаточно тертый калач, дагестанец – выпрыгнул в окно (со второго этажа, правда) и в полете услышал – жена кричит: «А как же мы?». Тогда по лестнице вернулся и жену с детьми вытащил на руках. Но дом устоял. Наши потерь не понесли. А вот центральный госпиталь рухнул кучей: накрылись и оборудование, и медикаменты, и персонал местный обученный тоже. Ну, а те, кто из медиков в городе уцелел, кинулись домой – к семьям. И все: раненых толпы, а лечить – токо голыми руками... Опять же, улицы завалены. Ни пройти, ни проехать, руины нестабильны – то тут, то там что-нито валится... Так что понятно, что со стороны помощь необходима.

Серега фыркает:

– А нам полкан на ГО толковал, что после ядерного взрыва население должно выйти из убежищ и начать расчищать улицы.

– Мда, такие мудаки только у нас есть!

– Не, мудак – это явление интернациональное. Вон, в «Терминаторе» повстанцы рассекают по разрушенному ядерным ударом городу на обычном пикапчике. Еще и из пулемета стреляют... В Хиросиме с Нагасаки было не поехать, хоть у них там домики из реечек и палочек с бумажками были, а уж современные города с многоэтажками такие бетонные завалы дают... Это ж не фигли-мигли с ВТЦ, когда «близнецы» вертикально с чего-то сложились, а прикинь, если б они набок легли?

– А убежища?

– Убежища – только для избранных. Для руководства, в первую очередь. На некоторых предприятиях – и то только для одной смены.

– То есть ложись и помирай?

– Ну почему же. Не задумывался, с чего это у нас в Питере всех садоводов гнали за сто километров от города, и наши садоводства у черта на куличках?

– Романов садоводов ненавидел.

– Щаазз... Предполагалось, что в случае ядерной угрозы успеют часть населения вывезти как раз туда, куда ядерный взрыв уже не достанет – в Мшинскую, Бабино, Пупышево. А там уже и домики есть... Для этого, опять же, и метро строилось так, чтоб конечные станции совпадали с железнодорожными. Да и само метро – это суперубежище. По нормативам, если ты в 800 метрах от метро – есть реальный шанс спастись.

– А если дальше?

– Есть такое слово «Анеповезловоттебе!»

– Но ведь зальет метро-то, да и жрать там нечего!

– Не зальет – там такая же система отсечных конструкций, как в подводной лодке. И склады со жратвой и медикаментами есть. Только слышал такие слухи, что под флагом обновления запасов те консервы, что там раньше хранились – отличная вкусная тушенка, нежнейший сосисочный фарш и обалденные каши – уже ловкачами распроданы, и теперь на хранении лежит нынешняя соя в жиже... Но с голодухи и нынешние консервы жрать можно.

– Мы вообще-то с темы съехали! То, что тут у нас произошло, ни в какие ворота не лезет. Потому вся система ГО – без толку. В то же метро я хрен полезу!

– Не, не все уж прям аналогов не имеет. Вот я смотрю, что мы сейчас действуем по одной из секретных инструкций НАТО. Там прямо говорилось, что в случае ядерного удара уцелевшие медики должны использовать такой инструментарий, как автомат, дабы облегчить муки тем, кто обречен. И то, по предварительным расчетам, даже такую помощь не успели бы оказать – слишком много таких пострадавших окажется.

– А остальные?

– Остальные – если медик видит, что у человека есть шанс выжить, – будут выживать, как бог на душу положит. Человек – живучая скотина. Почти как крыса, ворона и таракан.

– Да ну, быть такого не может!

– Почему нет? Наша агентура работала в Англии и США неплохо, пока всякие Калугины не написали подробнейшие мемуары с указанием списков агентуры; другое дело, что особого навару с этой инструкции не получишь. Подозреваю, что в душе наши с этим согласны были. Тем более, что по другим, ставшим известными, секретным документам ядерный удар по нам намечался не по одному городу, а по нескольким десяткам сразу – тут уж хрен кто кому поможет... Так что есть параллели.

– Ладно, возвращаемся к теме. Нам еще показывали образцы имеющегося оборудования для оказания помощи вне лечебных учреждений. Вот это точно надо раздобыть.

Тут братец лезет к себе в мешок и начинает вытаскивать оттуда всякую пластиковую и резиновую фигню. Большую часть вижу впервые. Уверенно опознаю только воздуховоды и пакеты с плазмозаменителем.

– Уж не обокрал ли ты уважаемого профа, хитрый братец?

– Только б обидеть, тоже мне родственничек... Сам дал. Я и клянчил-то недолго. Сегодня обещали после вскрытий дать куда больше. Даже и для тебя запросил.

– Чувствительно тронут. Ну, давай. Хвастайся. Мужики, на минутку! Дима, давай тоже послушай – пригодится.

Кислый Дима вместе с ухмыляющимся Ильясом пристраиваются рядом.

– Че кислый, опер упал намоченный?

– Да снайперка эта... С изъясном оказалась. Надули нас коллеги.

– Не, нас не надуешь – не лягушки, – вступается Ильяс. Просто эта СВ-99 воды хлебнула, не чистили ее давно, ну и не новая, конечно. А прицельных приспособлений, кроме как через оптику целить, в ней не предусмотрено. Оптика же в воде побывала.

– Дык не велика беда. Андрей разберется?

– Конечно. Ну, а если не сможет – махнем на аналогичный в Артмузее. Тут о чем речь-то идет?

– О девайсах для оказания медпомощи. Вот, например – механический жгут кровоостанавливающий. (Братец показывает пластиковую коробочку из которой свисает матерчатая петелька). Расстегиваем застежку, надеваем на конечность, застегиваем и, крутя завод, затягиваем, пока кровь не остановится. Дозированность давления – отличная штука, а то от резинового жгута бывает травма нервов и сосудов, когда со всей дури затягивают. А вот тут в торце –

часы на 60 минут. Завел – и потикали. Никаких бумажек с записями. Сразу видно, как давно поставили жгут.

(Братец с видом Деда Мороза тянет следующую штуковину).

– ИПП-1.

– Ну, братец, даешь – этой штуке сто лет в обед. Я даже помню, скандал был: на маневры выписали кучу ИПП-1, а прибыли ИПП-11. Тоже куча.

– Ээээ... А в чем разница-то?

– Да особой разницы нет, ваще-то. Только ИПП-1 – индивидуальный перевязочный пакет, а ИПП-11 – наоборот же индивидуальный противохимический пакет. С жидкостью. Для обработки кожи – нейтрализует действие всех ОВ, которые должны в кожу всасываться, причем как раздражающих типа CS, так и обычных пестицидов от зарина, зомана и всяких разных других инсектицидов и препаратов кожно-нарывного действия.

– Что-то, Доктор ты пургу понес! Зарин и зоман – не инсектициды. Это нервно-паралитического действия ОВ! – солидно поправляет меня Сергега.

– В 1939 году по заказу Министерства сельского хозяйства Рейха лаборатория профессора Шрадера, входившая в состав АГ «Фарбениндустри» создала инсектицид «Табун». Потом в рамках этого же заказа – «Зарин» и «Зоман». Причем реально – сугубо для травли насекомых.

– А потом?

– А потом амеры провели блестящую десантную операцию, в ходе которой захватили нетронутыми и лаборатории, и промышленные цеха, и склады с готовой продукцией, и сотрудников, и руководство, и документацию...

И после этого у США появились ОВ нервно-паралитического действия.

– Ладно, такое вы точно не видали! – продолжает братец.

Действительно, не видали – трубка с петелькой. Что-то подсказывает, что одним концом ее можно вставить в рот... непонятно зачем.

– Аутоанализер «Тренган». Вот внутри фитиль, как у фломастера, заполняется 10 миллилитрами трилена. Ремешок надевается на запястье раненому, раненый вставляет себе наконецник в пасть и дышит, пока не заснет. Как заснул – рука падает, «Тренган» изо рта выдергивается.

Устойчивая аналгезия до четырех часов. Эвакуируй на здоровье.

Теперь вот этот пакетик – НМ, накидка медицинская. Одна сторона матовая, другая серебристая. Серебряная сторона отражает тепло, так что зимой укутать пострадавшего серебром к нему, а летом – просто накрыть серебром наружу. Соответственно, зимой будет греть, летом охлаждать.

Теперь – воздуховоды. Эти уже устарели, потому как раненого раздышать, нависая над ним сверху – высокий силуэт получается, и вполне себе медика зацепят; а вот этот, с гофроставкой, позволяет дышать, лежа сбоку от раненого и не торча, как глупая мишень.

Ну, и напоследок – пакеты с кровезаменителем. Вот такие вот пластиковые мягкие контейнеры с кристаллоидным раствором. Есть литровые, есть на семьсот миллилитров. Регулируешь на 60 капель в минуту, втыкаешь – и эвакуируй.

– Э, погоди, а вешать куда? И вообще, вену искать запарно в бою-то – я пытаюсь остудить энтузиазм родственничка трезвым замечанием.

– Гы, тут все учтено. Иглу втыкаешь в переднюю поверхность бедра – можно сквозь одежду, а вешать никуда не надо – наоборот, подкладываешь под раненого, и он своей тушкой обеспечивает давление. Ловко?

– Ловко.

– Эни, грубо говоря, квесченз?

– Что посоветовать можете при ранении? Что делать? – это опять Саша.

– Для начала – убраться оттуда, где ранили, пока добавка не прилетела, – меланхолично замечает Ильяс.

– Или оттащить раненого в укрытие, – дополняет Сережа.

– А потом останавливаешь кровотечение. (Братец подсматривает в тетради). Потому что 38 % погибших раненых – от кровопотери. А 26 % – от асфиксии. Это уже знаешь, наверно: перевязка или жгут и перевязка.

Ну, асфиксия – блин, да это ж курс первой помощи надо читать!

– А мы вроде никуда и не спешим, – отзывается весьма логично Саша.

Братец смотрит на меня и хмыкает:

– Валяй, внеси в массы сияющую истину!

– Это потому, что он старший брат? – догадывается заваривший кашу Саша.

– Не-а. Его и наши, и англичане натаскивали. А потом он сам спасателей дрессировал.

Так что ему и карты в руки.

– А чем первая помощь у англичан так уж сильно разнится от нашей?

– Кхм... Подходом. Первую помощь в Англии начинают преподавать уже в детском возрасте, в скаутах многие приобретают и знания, и навыки оказания первой помощи. Далее это отрабатывается в армии. Каждый солдат обязан знать азы. На предприятиях также в обязательном порядке – в соответствии с законодательством – подготавливается по одному спасателю на 50 работающих. В обязательном порядке проходят такую подготовку пожарные, полицейские, учителя, сотрудники охранных структур и немалая часть водителей. Все это позволяет быстро и качественно помочь при несчастном случае.

В любой толпе всегда оказывается человек, готовый оказать первую медицинскую помощь. То, что продолжительность жизни у них больше, чем у нас, объясняется также и этим.

Массовое обучение основам первой медицинской помощи началось с времен Второй мировой войны, когда Англия подверглась бомбардировкам. Оказалось, что штатная медицина физически не могла прибыть к раненым вовремя, и это взяли на себя гражданские органы самообороны. То же самое происходило и у нас, только мы, к сожалению, совершенно забыли опыт Второй мировой войны в целом и опыт наших МПВО, в частности. Богатейший, к слову, опыт.

– Ты особенно-то не увлекайся, времени у нас – не вагон, и жучишь ты не студней. Попроще докладай, – резонно замечает братец.

– Ну, да, увлекся. Но все равно разгон нужен.

– Так разгоняйся побыстрее, Боенг тоже мне нашелся шестимоторный...

– Необходимо отметить различие между нашим и английским преподаванием. Наш преподаватель обычно знает намного больше своих учеников и старается дать им как можно больше информации. При этом материальная база у нас, как правило, весьма слаба, и основной массив информации является теоретическим. Ученик очень быстро забывает почти все, но точно помнит, что его преподаватель знает очень много.

Англичанин дает гораздо меньший объем информации, но этим добивается стопроцентной усвояемости. (Тратя, по нашим меркам, очень много учебного времени на очень небольшое количество учеников. На одного инструктора приходится не больше шести человек). При этом инструктор сам знает весьма немного, но его задачей является «создание зеркала». Его ученики должны к концу обучения полностью соответствовать своему учителю. Преподавание ведется почти по нашей старой доброй армейской методе: «рассказ, показ и отработка», только с добавлением перед самостоятельной отработкой навыков обязательной отработки вместе с преподавателем по разделам. Самое серьезное внимание отдается практической подготовке. Она отрабатывается до автоматизма. На практику расходуются весьма большие средства, которые нам и не снились. Не говорю об обеспечении учебного процесса необходимым оборудованием – это и так понятно, но даже экзамены спасателей проводятся в реальной обстановке,

имитирующей действительную катастрофу самолета, аварию автобуса или теплохода. То есть работа ведется в разбитом самолете, мятом автобусе или на корабле. Привлекаются актеры, прекрасно изображающие пострадавших, создается весьма точное подобие травм и поражений, а также общая ситуация. Обстановка создается самая правдоподобная.

Все это позволяет быстро оценить подготовленность спасателей, а самим спасателям не теряться в дальнейшем при виде кровотечения или травмы.

Преподаваемый материал доведен до минимума, но это именно тот объем, который жизненно необходим. (Нас постоянно подводит как раз желание объять необъятное. Школьнику дать знания как медсестре, медсестре – как врачу и т. д. Так как это невозможно, возникает необходимость в показухе. А показуха неминуемо приводит к краху).

– Это он пытается нам сказать, что вообще-то необходима практика. Без манекенов и актеров, залитых кетчупом, словеса мало помогают, – берет на себя тяжелую обязанность перевода братец.

– Ага.

– Боюсь, что тебе не отбрыкаться. Время уже другое.

Ладно, раз напросились – пробежимся галопом. Манипуляции потом отработаем. Итак, слушайте ушами.

Цели первой помощи простые: надо спасти человеку жизнь и при этом не сдохнуть самому. Конечно, пострадавшему уже и так плохо, раз ему нужна помощь – значит, нужно не допустить еще большего ухудшения состояния и обеспечить возможность дальнейшего лечения. Первая помощь состоит из весьма простых действий и манипуляций. Но быстрота тут рулит. Вся мощь современно оснащенной многопрофильной больницы может оказаться бесполезной, если было упущено время.

Значит, если взялся оказывать помянутую помощь – оцени ситуацию: поймешь, что и как произошло – и сам жив останешься, и помощь окажешь. Не кидайся, как полоумный.

– Ты бы на примерчике пояснил, а?

– Запросто. В Египте в деревне куренок упал в колодец. Его кинулись спасать, в итоге утонуло 8 человек. Понимэ?

– Что – один за другим?

– Ага. До песка постоянное дело было: столкнутся на дороге или сшибут кого – начинают бегать, как у себя в саду; треугольник этот, знак предупреждения, на дороге не поставили – в итоге, как те египтяне.

Или, помню, у нас зимой холодрыга была. Публика грелась, кто чем может. Ну, а самое простое для сугрева квартиры – на скрепке вешаешь листки бумаги на вентрешетки, их к вентиляции присасывает, и включаешь газовую плиту. Тепло. И накапливается угарный газ. Пока наши скоростники не сообразили, два экипажа на вызовах сами траванулись. Не насмерть, но неприятно. Ну, а в перестрелке тем более это важно: прикинуть, что и как может угрожать.

Дальше – прикидываешь, что случилось-то. В данном случае не требуется точного диагноза, особенно если у вас нет медицинского образования. Важно определить угрожающие для жизни состояния – например, кровотечение, шок, отсутствие дыхания и сердцебиения и т. п. Если пострадавших несколько, определить очередность оказания помощи, начав с того, у кого под угрозой жизнь. Самые тихие – самые поврежденные. Нет у них сил орать. Ну, а дальше – в зависимости от того, что произошло, и оказываешь первую помощь.

Не делай того, чего не знаешь. Подавившемуся собутыльнику испугавшийся приятель попытался сделать трахеотомию, о которой что-то слышал. Вместо рассечения трахеи в четко определенном месте перерезал сонную артерию.

Вообще не старайтесь быть Господом Богом. Два шахтера увидели, как мотоциклист въехал в дерево. Побежали помочь и поняли, что он без сознания, и голова у него вывернута на 180 градусов. Решили поставить ее на место. Что-то хрупнуло, и пострадавший обмяк. Тут

рьяные спасатели убедились, что просто парень надел куртку задом наперед, чтобы ветер не задувал под пуговицы, а голова у него до оказания помощи была совсем не вывернутой.

С ранением, в общем, видели: остановить кровь, обезболить и эвакуировать.

– А с асфиксией что?

– Без пищи человек может прожить до 30 дней, без воды до двух недель. Без кислорода – несколько минут. Раньше погибают наиболее тонко организованные клетки. Так, клетки коры головного мозга гибнут раньше всех остальных.

В зависимости от ряда условий, от момента прекращения подачи кислорода клеткам коры головного мозга до их гибели проходит от трех до 10 минут.

Следовательно, основной задачей первой помощи является не допустить прекращения подачи кислорода.

Кислород поступает в организм через дыхательные пути. Очень важно, чтобы они были свободны, и воздух проходил без препятствий.

Первый приоритет – проходимость дыхательных путей (ДП).

Сами по себе дыхательные пути не обеспечивают организм кислородом. Нужно, чтобы человек дышал.

Поэтому второй приоритет – дыхание (Д).

Однако кислород, попавший в легкие, бесполезен, если не доставляется кровью в ткани.

Третий приоритет – циркуляция крови (ЦК).

Все это легко выразить формулой: ДП – Д – ЦК

Англоязычные спасатели называют эту формулой азбукой спасения, так как в английской транскрипции она выглядит так: А – В – С, где А – airway (дыхательные пути), В – breathing (дыхание), С – circulation (циркуляция крови). Также эту формулу называют азбукой реанимации, так как в ходе реанимационных мероприятий придерживаются четко определенной последовательности действий, напрямую связанной с постановкой приоритетов.

Реанимационные мероприятия не всегда приносят ожидаемый результат. К этому надо быть готовым.

Но совершенно точно – они отдалают гибель коры головного мозга и позволяют дожидаться прибытия квалифицированной медицинской помощи, что значительно улучшает шансы пострадавшего на выздоровление.

– Мне кажется, ты чересчур увлекся. Слушать тебя интересно, конечно, как арию Хозе в опере Бизе, но немного не ко времени. Тем более что скорая помощь отмерла как класс. Реанимацию сейчас проводить – смерти подобно, да и вообще-то речь шла о поведении при ранениях, а это другая песня, – скучный братец пресекает мой полет.

– Ну. Я хотел сказать про азы.

– Ага. Никто не знает, что сердце у человека качает кровь, а легкие служат для газообмена крови... Кумпаньоны уже зевать сейчас начнут.

– Неправда! Это вы оба – лекари, а мне, например, это интересно, – возражает Саша.

– Похоже, и пригодиться может, – поддерживает его и Серега.

– Лады. Я умываю руки! Вещай! – братец демонстративно трет ладошки.

– Вещаю! Следующий пункт нашей программы:

– Безопасное положение.

Чтобы правильно определить объем необходимой помощи, требуется верно оценить состояние человека. Первоначальная оценка пострадавшего включает в себя пять проверок. По развернутой формуле азбуки спасения английские спасатели добавляют к уже названному ранее еще D – danger (опасность) и R – reaktion (реакция). Полностью формула азбуки спасения выглядит так: D – R – A – B – C.

Таким образом, надо проверить:

а. опасность для себя и для пострадавшего,

б. реакцию пострадавшего,

в. дыхательные пути,

г. дыхание,

д. циркуляцию крови.

Оценка опасности – уже рассказывал.

Совершенно необязательно рисковать. Особенно, если кроме вас оказывать помощь больше некому. В этом вопросе наша общепринятая мораль разительно отличается от их установок (нельзя сказать «западных», так как точно то же в азиатских странах).

Спасатель, умеющий оказывать первую помощь, не должен брать на себя обязанности тех же пожарных и лезть, например, в огонь.

Вообще старайтесь увидеть ситуацию в целом. Опасность может быть многоликой.

Оцениваешь реакцию пострадавшего.

Делается это для решения вопросов, нужна ли вообще помощь и насколько тяжела ситуация.

Спрашиваешь громко: «Что с вами? Вы меня слышите?» (Обычно это камень преткновения для обучаемых. Даже хамоватые подростки стесняются спрашивать громко, когда дело касается полезных вещей, и трезвыми).

Первый раз задаем вопрос с дистанции метра два – три. Возможно, человек лежит для собственного удовольствия, и ваша помощь ему не нужна. Если он ответил и помощь требуется – окажите ее.

Если он не ответил, то ситуация сложнее. Подойдите ближе и так же громко повторите вопрос. При отсутствии реакции на вопрос опуститесь рядом с человеком и потрясите его за плечи, повторяя вопрос. Лучше всего встать на колени. Это наиболее устойчивое и удобное для оказания помощи положение. Сидящий на корточках спасатель находится в неустойчивом положении и может легко потерять равновесие. Травма копчика или руки для спасателя в такой ситуации совершенно ни к чему.

Если реакции на прикосновение нет, остается проверить болевую чувствительность, ущипнув за мочку уха или тыльную сторону кисти руки. Отсутствие реакции на боль означает отсутствие сознания.

Проверяешь дыхательные пути.

Слушаешь дыхание и одновременно, положив ладонь одной руки на лоб пострадавшего, два пальца другой ему под подбородок и несколько запрокидываем его голову назад.

Это открывает дыхательные пути, поднимая язык – он обычно западает при потере сознания.

Проверяешь дыхание.

Проще поднести к носу пострадавшего тыльную сторону ладони – кожа нежная и даже слабое дыхание ощутит.

Проверяешь циркуляцию крови.

Для этого надо проверить пульс. Проще всего это сделать на сонной артерии. Обычно эта манипуляция не представляет большого труда. Прикладывать нужно два пальца. Большой палец не используется, так как можно почувствовать свой пульс.

Длительность проверки не меньше 10 секунд. После проверки пульса желательно проверить, нет ли кровотечения, для чего рукой проводите снизу по контуру тела.

Если кровотечение есть – уточнить источник.

Как – еще терпите?

– Еще терпим.

– Тогда валяю дальше.

Безопасное положение.

Для человека, находящегося без сознания, самое опасное положение – на спине. Он может погибнуть из-за совершенной ерунды:

– мышцы не контролируются, обмякают, поэтому язык западает и перекрывает дыхательные пути;

(Пример: в нашем городе перед футбольным матчем подросток-болельщик потерял сознание и погиб именно по этой причине, прямо на глазах у толпы зевак.)

– кровь или другие жидкости (рвота и др.), попадая в гортань, вызывают рефлекторную остановку дыхания;

(Пример: одна из спасательных служб в нашей стране организована на средства человека, потерявшего в пустяковой автоаварии свою 15-летнюю единственную дочь. Девушка погибла из-за рефлекторной остановки дыхания, вызванной носовым кровотечением.)

– различные предметы, находящиеся в ротовой полости (жвачка, зубные протезы, сломанные зубы, пища) также могут перекрыть дыхательные пути.

Человек, лежащий на боку, рискует значительно меньше. Поэтому необходимо потерявшего сознание уложить в безопасное положение.

Предлагаемая здесь методика не оригинальна. Зато она легко запоминается, легко выполняется и дает очень хорошие результаты.

Положительные стороны безопасного положения:

– язык не может перекрыть дыхательные пути;

– свободный отток жидкости из ротовой полости и носа;

– согнутые рука и нога обеспечивают устойчивое положение и гарантируют от возможного переворота обратно на спину;

– кисть руки поддерживает и защищает голову.

Придание безопасного положения проще всего выполнить в шесть этапов.

1. Уложить пострадавшего на спину, обеспечить проходимость ДП. Для этого слегка запрокидываем пациенту голову, положив одну ладонь ему на лоб, другую на подбородок. Иногда прямо после этого пациент начинает дышать – запавший язык подтягивается вверх, и дыхательные пути открываются.

2. Выпрямить ноги. Ближнюю к себе руку пациента отвести под прямым углом к телу.

3. Дальнюю от себя руку пострадавшего перенести через грудную клетку и приложить тыльной стороной к щеке пострадавшего. Желательно держать руку «пальцы в пальцы», что обеспечивает четкую фиксацию. Придерживать руку до конца переворота в боковое положение.

4. Дальнюю от себя ногу пострадавшего согнуть в колене. Ступня должна стоять на поверхности земли.

5. Используя согнутую ногу как рычаг, аккуратно повернуть пострадавшего на бок. Делать это плавно и спокойно. Поворот корпуса не должен быть резким. При этом совершенно не требуется усилий. Хрупкая девушка спокойно перевернет таким способом здорового мужчину.

6. Установить бедро перпендикулярно корпусу для устойчивости положения. Убрать свою руку из-под головы пострадавшего. Обеспечить проходимость ДП по уже описанному способу, слегка запрокинув голову. Убедиться, что пострадавший дышит. В данном случае можно поднести ко рту и носу пострадавшего тыльную сторону своей кисти, нежная кожа ощущит даже слабое дыхание.

После приведения в безопасное положение целесообразно вызвать скорую помощь и контролировать состояние до ее прибытия. Если вы вынуждены отлучиться – например, для вызова скорой, подложите к спине пострадавшего свернутую одежду или что-нибудь другое, чтобы предотвратить бессознательный переворот на спину.

Безопасное положение нельзя применять только при тяжелых травмах – например, переломе бедра и т. п.

В большинстве ситуаций оно надежно защитит пострадавшего.

Знаете, мне кажется, на первый раз и хватит. Сейчас давайте-ка отработаем несколько приемов.

– Что, прямо здесь?

– А почему бы и нет?

Все-таки мотивированность – великая штука. Когда наши люди чего захотят – горы свернут. Беда в том, что обычно хотят выпить, и весь пар уходит впустую. Но сейчас ребята стараются – минут за десять получается вполне прилично, и ватлают они друг друга на бок достаточно уверенно, что не может не радовать.

– А вот утоплые – с ними как? – Ильяс опять удивляет нестандартностью мышления.

Я не могу понять – утоплые-то тут при чем?

– Плавать научись, неумеха, – свысока щучит приятеля Сережа.

– Я сделан из того благородного материала, который тонет, – не менее свысока парирует снайпер.

– Похоже, из утюга? – ехидничает Серега.

– И что именно тебя интересует, Ильяс?

– А в общем. И в целом.

– Наше золотце озаботилось тем, что мы все у воды да у воды. Соломку стелет. Если тонуть будет – на тот случай.

– Ну... Ну, утопление бывает двух видов – синее и белое, по цвету кожи утопленников.

При белом – спазм дыхательных путей, вода в легких отсутствует.

При синем человек дышал водой, поэтому попавшая в легкие вода активно всасывалась в кровь.

Это я к чему. К тому, что копать, откачивая воду из человека, не нужно – это пустая потеря времени. У белых воды в легких нет, у синих – уже всосалась. Опытные спасатели ухитряются начинать вентиляцию легких еще в воде – при транспортировке к берегу. Ну, а на берегу начинать качать воздух сам бог велел.

При этом надо иметь в виду, что синий утопленник может блевануть, из него идет пена и вообще все неаппетитно. Помним про использование полиэтиленового пакета с дыркой, чтоб не контактировать совсем уж напрямую. Также не забыть проверить пульс – обычно у утопленных сердце еще работает, и проблема только в вентиляции легких.

Если начал кашлять, блевать – вентилировать не надо: уже оживает, и главное, чтоб блевота не попала в легкие – на бок немедля.

При отсутствии брезгливости и быстроте шансы на успех неплохие – мой знакомец так себе жену из воды достал, откачал, навестил и заневестил. Уже давно женат, живут неплохо. Хотя делать искусственное дыхание симпатичной девчонке при всей пене куда приятнее, чем датому старику...

К слову, у утопленных не так быстро кора мозга гибнет – даже теплая вода охлаждает организм и замедляет процессы окисления. Ну, а в холодной воде и до получаса мозг еще жив.

Последнее – утопленных после оживления обязательно доставлять в больницу, даже если они себя отлично чувствуют.

– На фига, их же уже спасли?

– Синих – потому что через час – другой у них начинается гидремический шок: вода из легких всасывается со свистом в кровь и разжижает ее со всеми вытекающими последствиями. Белых – тоже, так как остановка дыхания – это сильный удар по организму и может вызвать отказ той или иной системы по принципу: где тонко, там и рвется.

Братец широко ухмыляется:

– Анекдотец в тему:

Сидят два рыбака на бережку, рыбку ловят. Тихо, лепота...

Вдруг мимо них – вжжжжж – катер с воднолыжником. Аж стрекозы разлетелись.

Только все угомонилось – снова тот же катер с этим уродом на лыжах – ВЖЖЖЖЖЖ...

И еще раз – ВЖЖЖЖЖЖ....

Тут рыбаки не выдержали и швырнули в катер ведро с пескарями.

Ведро – хрясь лыжнику в репу. Лыжник бульк – и нет. А катер усвистал.

Мужики в ужасе – убивать-то не хотели – скинули сандалии, кинулись, вытащили, один тут же дыхание искусственное зарядил. Дышит – и морщится...

Второй ему:

– Ты чего это?

Первый:

– Да странный этот парень какой-то – изо рта воняет, как будто всю жизнь зубы не чистил!

Второй:

– И точно странный: то на лыжах ехал, а сейчас на нем коньки надеты...

Это я к тому, чтобы вы не забывали проверить – не помер ли уже этот утопый безнадежно, чтоб зря не возиться... К слову, и вообще это по нынешним временам полезно делать.

– Ну, так уже говорил о проверке всего этого – дыхание, сердцебиение.

– Гыгы... Похоже, тут все просто: если умер, то встал и пошел кусаться.

– Сейчас – да. А раньше... Раньше ученые так и не сошлись в едином мнении, что такое смерть. А когда еще реанимация всерьез заработала – то вообще караул.

– Да ну, что тут сложного-то: умер – сразу видно, – спроста удивляется Серега.

– Сейчас – да. А вот суди сам: кора мозга у человека погибла. Тело же с искусственной вентиляцией и поддержкой сердцебиения – живо. Это смерть или нет?

Клиническая смерть, которая при грамотной реанимации обратима – смерть или как? Оказался рядом толковый человек – пострадавший живет и в ус не дуется, не оказалось человека – помер. И это только то, что на поверхности.

– Угомонись. Вот уж что нам меньше всего нужно, так это философские дебаты. По нынешним временам вполне годится старая и безусловно запрещенная к применению бесчеловечная практика скорпомощников и ментов.

– Спичка?

Братец кивает:

– Она самая. Тут такое дело: когда труп грязный и принадлежит человеку, которого руками и при жизни трогать неохота, хотя бы и в перчатках, а определять, жив он или нет, все же надо – и быстро, то проще всего, пока никто не видит, ткнуть ему горящей спичкой в открытый кусок кожи.

– И что? Закричит?

– Нет, конечно. Но если человек живой, то сосудистая реакция будет, как и положено при ожоге кожи, моментальной, заметной и через слой грязи – пузырь, отек, краснота. А если мертв... ну, как перчатку кожаную прижгли. Небольшое желтоватое пятнышко – и все. Сейчас уже от ментов такие давно не появлялись, а скоростники и труповозы нет-нет, да и скинут «пятнистого».

– Видно, зашугали ментов-то.

– Сомневаюсь. У них в среднем подготовка сотрудников здорово упала. Писанину старую не отменили, новую ввели. Короче, как в медицине: если делаешь – не успеешь записать, если пишешь – не успеешь сделать. По-любому начальство твердо знает, что можно любого сотрудника взять за хвост: если у него все записано – значит, в практической работе огрехи, и наоборот. Раньше участковый всех на своем участке знал. Во времена кровавой гэбни и дяди Степы. Сейчас у участкового столько писанины, что долго на этом месте человек не работает:

деньги смешные, обязанностей куча и писанины море. А от участковых польза была офигенная...

– Что скажешь, Дима?

– Так... Старые-то зубры поувольнялись. Новые – частью мальчишки, а частью за властью прутся и деньги молотить любыми способами... Опять же спасибо газетерам – русаки теперь уверены, что в милицию идти непрестижно и впадлу. Зато кавказцы ломаются с удовольствием. Им не впадлу...

– Так и с армией та же херь. В общем, русакам нынче впадлу быть везде, где вручают оружие и толково обучают им пользоваться. В смысле, не только стрелять, а работать в команде, тактически грамотно и взаимодействуя с другими группами – например, той же артиллерией, танками и авиацией, да еще и используя связь.

– Похоже, спецом такая линия гнулась, чтоб у нас тут через пару десятков лет с оружием токо кавказцы и ходили?

– Вполне возможно. Вот уличный бандит со шпалером – это да, это герой.

– Но ведь то же оружие раздать-то можно было бы, – ляпает Саша, потом сам же себе и отвечает: – Мда, а тактику отработать и обучиться с оружием обращаться сам не сумеешь...

– Не только тактику. Регулярная армия всегда и везде необученные толпы и банды громила, не особо напрягаясь. Ученье – свет.

Я усмехаюсь про себя, вспомнив наши старательные, но очень неумелые тактические экзерциции на лестнице Сашиного дома. Судя по мелькнувшей на лице Саши легкой ухмылке, ему это тоже вспомнилось. Словно год тому назад было...

Братец, игнорировавший наши высокоумные рассуждения, видимо, находит у себя в гроссбухе что-то веселое.

– Вот, зануда, чтоб у обучаемых уши не опухли от твоей нудятины – инфа по стрессу. У них, оказывается, в Кронштадте тоже, как у вас в Крепости, такая любовь началась. Плотская, ураганная. Соответственно, публика вопрос и задала. Я тут даже записал себе несколько моментов из его ответа.

Вот, значит, первый вывод: по физическому воздействию стресс положительный (радость) оказывает на организм человека ровно то же воздействие, что и отрицательный (горе). Помереть, таким образом, можно и от радости, и от горя, потому как сердце реагирует одинаково. Вся разница – в эмоциональном окрашивании, и только.

Второе: клин клином вышибают, потому одни стресс отрицательный закуривают, другие – заедают, а третьи – затрачивают. То есть долбают по отрицательному стрессу положительным. Любой путь получения эндорфинов годится. Поэтому тот факт, что в стрессовой ситуации половая распушенность цветет пышным цветом, медикам известен давно. Вот тебе известен?

– Ну, то, что дистресс по воздействию на организм равен эустрессу, я знал. Насчет траха... Во фронтовых условиях вполне себе любовь крутили – что у нас, что у противника. Попадалась инфа, что в Германии в конце войны немки совсем стыд потеряли и вполне были не против, хотя это было непросто из-за малого количества мужчин. Ну, в общем да, в целом стыкуется...

– То есть вся эта визготня по поводу жутких и массовых изнасилований бедных немок не совсем достоверна? Не с пустого же места пишут! И много где читал. И у наших историков тоже было. Или не было двух миллионов? – ишь, Серега загорелся.

– Наоборот! Известно, что немецкие, румынские и прочие солдаты армий, пришедших к нам в гости на огонек в 41-м году были:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.